

Сергей Шангин

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Младенец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

2

18+

Сергей Шангин

2. Союз нерушимый. Младенец

«Автор»

2026

Шангин С.

2. Союз нерушимый. Младенец / С. Шангин — «Автор», 2026

Только что я был полон перспективных планов, представлял, как меняю этот мир к лучшему, помогая ему знаниями из будущего, нащупывая безопасные пути доставки информации до нужных людей, и вдруг всё изменилось. В один миг. Словно киноплёнку моей жизни оборвали и приклеили к ней кусок от другого кино – страшного, невозможного, заставляющего почувствовать собственную ничтожность. Прости, мама, я должен был тебя защитить, но не сумел! Ты страдаешь за мои дела, отвечаешь своей жизнью за мои интриги! Прости, если сможешь! А я обещаю отомстить! Без колебаний, без пощады, вычистить весь гнойник, чего бы мне это не стоило!

Содержание

Аннотация	5
Новая реальность	6
Разочарование	18
Откровения младенца	28
Чёрная кошка в тёмной комнате	38
Контора глубокого бурения	47
Женский праздник	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Шангин

2. Союз нерушимый. Младенец

Аннотация

Только что я был полон перспективных планов, представлял, как меняю этот мир к лучшему, помогая ему знаниями из будущего, нащупывая безопасные пути доставки информации до нужных людей, и вдруг всё изменилось. В один миг. Словно киноплёнку моей жизни оборвали и приклеили к ней кусок от другого кино – страшного, невозможного, заставляющего почувствовать собственную ничтожность.

Прости, мама, я должен был тебя защитить, но не сумел! Ты страдаешь за мои дела, отвечаешь своей жизнью за мои интриги! Прости, если сможешь! А я обещаю отомстить! Без колебаний, без пощады, вычистить весь гнойник, чего бы мне это не стоило!

Новая реальность

Вторник, 07.03.1961, раннее утро, Светлогорск.

Только что я был полон перспективных планов, представлял, как меняю этот мир к лучшему, помогая ему знаниями из будущего, нащупывая безопасные пути доставки информации до нужных людей, и вдруг всё изменилось. В один миг. Словно киноплёнку моей жизни оборвали и приклеили к ней кусок от другого кино – страшного, невозможного, заставляющего почувствовать собственную ничтожность.

Прости, мама, я должен был тебя защитить, но не сумел! Ты страдаешь за мои дела, отвечаешь своей жизнью за мои интриги! Прости, если сможешь! А я обещаю отомстить! Без колебаний, без пощады, вычистить весь гнойник, чего бы мне это ни стоило!

– Пусти, сука, сам пойду, – выкрутился я из рук сержанта. – Не плачь, Машка, мы ещё покажем им, где раки зимуют, – пообещал я плачущей сестрёнке. – Чо застыл, вертухай? – я сплюнул, как мог, ему под ноги и поковылял, держась за Машкину руку. – Веди, сука продажная!

Хрен вам, а не мои слёзы! Мужчины не плачут! Они мстят!

– Ведьмак... нечистая сила... дьявол... – истово крестясь, отпрыгнул от меня милиционер.

– Бу, – крикнул я в его сторону.

Сержант споткнулся и растерянно уселся в мокрый мартовский снег, выпучив от страха глаза, усиленно сглатывая, не в силах позвать на помощь. Помощь против кого, сержант? Против шестилетней девочки с косичками и её восьмимесячного брата? Да ты сошёл с ума, сержант! Ты точно сошёл с ума!

Какое-то бесшабашное веселье овладело мной при виде растерянного, не знающего, что делать сержанта милиции, только что считавшего себя полновластным вершителем нашей с Машкой судьбы. Я чувствовал охвативший его ужас, заставляющий оцепенеть и не двигаться, чтобы не привлекать внимания этого дьяволёнка, ведьминского выкормыша. Штаны помаленьку промокали то ли от снега, то ли от позорного недержания, но встать и проверить причину не было ни сил, ни желания. Сознание целиком и полностью занимали ужасные картины мучащихся в Аду грешников.

Ему страстно хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть нас с Машкой, забыть о нашем существовании и, уж тем более, не прикасаться к нам, исполняя приказ старшины. Рука тянулась к кобуре, но при этом никак не могла отцепиться от земли, отказываясь подчиняться его желаниям.

Я читал сержанта, как открытую книгу, был им, мог сделать с ним всё что угодно, потому что... энергия переполняла меня, билась в каждой клеточке, требуя немедленного выхода, чтобы обрушиться на врага и защитить своего хозяина от всего зла этого мира. Ты вернулся. Прости. Никогда больше не потребую, чтобы ты покинул меня.

– Маша, слушай меня внимательно, – дёрнул я за руку, раскрывшую от изумления рот сестрёнку.

– Лёшка, а что с дяденькой?

– С дяденькой всё хорошо, – криво усмехнувшись, успокоил я Машу. – Сейчас мы дойдём до садика, и ты сама зайдёшь. Без нас. Без меня.

– А мама?

– Мы с дяденькой пойдём за мамой, – пообещал я. – С ней всё будет хорошо, и вечером она заберёт тебя, как обычно! – как можно увереннее заявил я. – Сейчас в садике тебя будут спрашивать, где мама, почему она не пришла с тобой? Ответишь, что её срочно вызвали в

школу и она довела тебя, но не смогла зайти с тобой в садик, – монотонно, тщательно проговаривая каждое слово, сообщил сестрёнке, как именно нужно отвечать на вопросы.

– А про милиционеров говорить? – уточнила Машка, смешно сморщив носик.

– Нет, ни в коем случае, Маша – маму вызвали в школу! Повтори, почему ты пришла в садик одна, – потребовал я.

Всем известен принцип глухого телефона: думают одно, говорят другое, слышат третье, понимают четвёртое, а делают пятое. Поэтому, поставив задачу, обязательно требуй обратной связи – что именно услышали?

– Маму срочно вызвали в школу, она довела меня до садика и убежала по делам, – без запинки отбарабанила Машка.

– Умница! Горжусь тобой! Люблю тебя, – совершенно искренне произнёс шаблонные для XXI века фразы.

– Я тебя тоже люблю, – очень серьёзно ответила сестрёнка. – И маму тоже! Мы ведь вернёмся домой? У меня там Кристина осталась совсем одна, – печально улыбнулась она.

Вот и пойми, это она сейчас так пошутила или на самом деле переживает за куклу.

– Сержант, подойди сюда, – приказал я.

Милиционер неуклюже повернулся на колени и, встав, пошагал ко мне с совершенно равнодушным выражением лица.

– Возьми меня на руки, девочка поведёт нас к садику. Исполнять!

Не выказав удивления, сержант подхватил меня и устроил на сгибе руки, терпеливо дожидаясь следующей команды.

Интересно получилось. На тот момент, когда я вывернулся из его рук, у меня не было ни капли энергии, я не мог его зарядить, чтобы подготовить к управлению, но по факту он целиком и полностью в подчинении. Причём захват произошёл по той же схеме, что и с Глашей – подстройка чувств, ощущений, слияние, захват. Слишком легко, слишком просто для того, кто делает это второй раз в жизни.

– Маша, веди нас, а то мы тут до вечера простоим, – прошу сестрёнку начать движение, чтобы поскорее спрятать её в надёжном месте.

Детский сад – это вам не детский дом, тут детей никто не удерживает, потому что у них есть родители. Так что, пока Машка в привычной обстановке, можно порешать проблему со Светланой.

– Ну, я пошла? – спрашивает разрешения сестрёнка.

– Пока-пока, – машу я ей ручкой. – Веди себя хорошо и с Петькой не дерись!

Тяжко вздохнув, словно взвалив на свои хрупкие плечи всю тяжесть Вселенной, Машка поплелась к входу в садик. Дождлся, пока она скроется с виду, и включил контроль объектов – теперь они все должны быть на связи, проспались, бодры и полны энергии для реализации злодейских планов, судя по нездоровой активности милиции.

– Шагай к ГУВД, смотри под ноги, не урони меня, – отдаю приказ своему носильщику.

Пока движемся к цели, нужно всё хорошенько обдумать. По-взрослому. Без дураков. Без скидок на советскую власть. На кону жизнь Светланы и наша с Машкой судьба. Никаких полумер. Если враг не сдаётся, он должен быть уничтожен.

Если я правильно понимаю, анонимка достигла цели. Затем к начальнику ГУВД был вызван Городец, а там уже они совместно выработали план нашей ликвидации. Что ж, я не злопамятен, просто злой, и память у меня хорошая. Сейчас придётся напрячься, нужно подключиться к другому объекту, не теряя контроля над сержантом.

Осторожно, как канатоходец, балансируя на «канате» контроля, протягиваю «щупальце» в сторону председателя горисполкома. Он просто обязан быть в эпицентре событий.

Городец... не ошибся – судя по полковничьим погонам, мы как раз в кабинете главного милиционера города. Он смотрит на мужчину в форме, сидящего за большим столом, покры-

тым зелёным сукном. Перед ними на подносе початая бутылка коньяка, блюдец с нарезанным лимоном и тарелка с бутербродами. Давно сидят, судя по остаткам коньяка в бутылке.

Здесь же перед закрытыми дверями старшина, держащий за шиворот Светлану. Та уже не пытается вырваться, только зло зыркает на сидящих начальников.

– Товарищ полковник, задержанная по вашему приказанию Светлана Бардина доставлена, – рапортует старшина. – Щенков её с сержантом отправил в детприёмник!

Полковник молчит, цедит коньяк, рассматривает расслабленным взглядом стоящую перед ним испуганную молодую женщину.

– Вот, полюбуйся, Степан Ефимович, такие люди учат наших детишек, – мотнул пухлой кистью Городец в сторону Светланы. – С виду приличная женщина, а на деле ведьма, как есть ведьма!

– Петя, не мели ерунды, – отмахнулся полковник. – Ты же партийный, – укорил он его. – Хотя, может, к тебе уже и черти зелёные являются? Ха-ха-ха, – загоготал довольный своей шуткой полковник.

– Типун тебе на язык, Ефимыч, я же не запойный, исключительно за компанию и для здоровья, – подмигнул он собеседнику. – А это точно ведьма! Знал бы ты, что она мне устроила, когда я отказал ей в глупых претензиях на новую квартиру, – закатил он глаза в потолок. – Так что, как только заметишь, что она колдовать собралась, бей её по башке, иначе проклянет!

– Я требую объяснить, по какому праву меня задержали, – в голосе Светланы не слышно твёрдости, он звучит жалобно, ей страшно и тревожно за детей.

– Вот, видишь, уже голос подала, теперь жди беды, – покачал головой Городец.

– Предлагаешь сразу грохнуть? – деловито поинтересовался полковник.

Старшина, не дожидаясь приказа, расстегнул кобуру и сжал пальцы на рукояти пистолета.

– С ума сошёл? – неподдельно возмутился Городец. – Сперва нужно узнать, кто у неё подельники, какие планы, а уж потом грохнуть, но не здесь, а вывезти в лес подальше, там и прикопать, – обрисовал план действий председатель горисполкома. – Она же мне все схемы поломала, Ефимыч! И вот скажи, откуда она узнала про деньги?

– Не знаю я ничего ни про какие деньги, – уже более решительно возмутилась Светлана. – Немедленно отпустите меня, иначе я буду жаловаться в горком партии!

– В горком? – удивился полковник. – Кхм, об этом мы как-то и не подумали. Как же мы с тобой, Данилыч, партию в стороне оставили от решения такого важного вопроса? Мы, значит, тут всякие беззакония разводим, а партия не в курсе? Непорядок! Полное безобразие! Партия должна быть всегда в курсе, чем дышат её подручные... нет, подопечные... тьфу ты, соратники! Во!

Он пододвинул телефон и набрал номер, после нескольких длинных гудков в трубке зазвучал уверенный мужской голос:

– Пластунец на проводе!

– Леонид Сергеевич, сильно занят? – по-дружески, без эпатажа и подобострастия поинтересовался полковник.

Трубка передавала звуки достаточно громко, чтобы Городец мог без лишнего напряжения слышать их разговор.

– Степан Ефимович? Ну, для наших дорогих внутренних органов всегда время найду, – привычно пошутил собеседник.

– Тут одна дамочка хочет на нас в горком пожаловаться, – хихикнул он. – Ты бы подошёл ко мне в кабинет, сразу бы и порешали вопрос, – деловито предложил он. – Понимаю, ты человек занятой, первый секретарь горкома партии, не хухры-мухры, но тут вопрос деликатный, не хотелось бы его выносить на публику! Ну, ты меня понимаешь, Сергеич?

– Услышал тебя, Ефимыч, – резко убрав шутливость из голоса, ответил партийный вожь Светлогорска. – Жди, сейчас буду! Без меня ничего не предпринимай, а то знаю я ваши методы!

– Методы ему мои не нравятся, – положив трубку, проворчал полковник. – В тридцать седьмом очень даже по душе были! Сколько мы тогда всякой сволочи к стенке поставили! Помнишь, Данилыч?

– Хорошие были времена, – с сожалением вздохнул Городец. – Теперь приходится оглядываться по сторонам, чтобы лишнего не ляпнуть, – пожаловался он. – Сейчас бы эту сучку загнали в камеру к блатным, они бы над ней ночку поработали, и был бы у нас к утру весь расклад, а теперь...

– Петя, а кто нам мешает? Так и сделаем, если сама прямо сейчас здесь не расколется, – пообещал полковник. – Старшина, есть у нас хорошая камера на примете?

– Как не быть, товарищ полковник? – подобострастно ощерился старшина. – Может, её для начала между своими пустить? Уж больно сладкая, – причмокнул он, сальным взглядом ощупывая стройную фигурку Светланы. – Мы постараемся со всем усердием, товарищ полковник! Чего и не знала, во всём признается, – пообещал он.

Ну, суки, не ждите пощады! Что у меня есть в активе? Городец? Взять под контроль и... Что он сделает? Прикажет всё отменить? Вряд ли его поймут. Кинется защищать Светлану? Свяжут и положат в одиночку, чтобы остыл – вопрос денег не терпит лишнего шума. Сейчас ещё и первый секретарь подтянется – не совладает с ними Городец с его пухлой фигурой.

Сержант? Хороший ход и табельное оружие у него при себе. Если правильно помню, в это время просто так милиционеру его было не получить, не мог он на обычном дежурстве или вне службы иметь при себе оружие. Но при отправке на задание по задержанию особо опасных преступников оружие выдавалось в обязательном порядке. Так что нас сразу и без сомнений причислили к тем, кого разрешено ликвидировать на месте без дополнительных приказов и решений суда.

Нужен план. Достаточно детально проработанный, учитывающий возможность стороннего вмешательства в самый неподходящий момент. Ещё бы знать, откуда это вмешательство прилетит, чтобы соломки подстелить или обойти это место стороной. Итак...

Сержант уже под контролем. Заходим в ГУВД, поднимаемся в кабинет начальника, дожидаемся первого секретаря, затем сержант их всех убирает, в финале, пуская себе пулю в висок. Светлана забирает меня и... мы плавно оказываемся в камере, как единственные свидетели кровавого преступления. И для нас точно ничего не меняется, придётся объяснить следователю, что мы делали в этом кабинете? Мимо проходили? Принесли ребёнка познакомиться с папкой? Ага. Плохая шутка. И план хреновый.

Бросаем Городца, в кабинете пока картинка не меняется, а мне трёх человек на связи не удержать. Попробовать можно, но грозит потерей контроля над сержантом. Так что выбираем более надёжный вариант.

Гриша? Точно! Григорий! Дома? Это я удачно заглянул. Стоит в ванной, смотрит на свою опухшую с похмелья физиономию, морщась от приступов мигрени. Боль накатывает волнами. Стучит молоточками в висках. Не нужно было вчера столько пить. Настроение паршивое. Мучит дикий сушняк. Сколько же он вчера водки выжрал? Всё тело ломает. То в жар кидает, то в холод.

Так, я близок к слиянию, но, чёрт побери, меня рвёт на части между сознаниями сержанта и Гриши. Всё путается в голове, начинает тошнить, хочется вытолкнуть из себя обоих и отдохнуть от бешеной нагрузки. Нет. Нельзя. Невозможно. Ты ведь помнишь, чем это закончилось в прошлый раз? Нужно отделить зёрна от плевел, растащить их по разным углам ринга, быть над схваткой, как независимый рефери, а не третий боксёр на ринге.

Легко сказать, кто бы подсказал, как это сделать? Сержант спотыкается, чуть не падает, начинает ошарашенно оглядываться, не понимая, как он оказался в этом районе. Смотрит на меня, испуганно ищет взглядом сестрёнку и вздрагивает от страха, понимая, что она пропала, а он совершенно точно не знает, где она находится.

Страх. Испуг. Не понимаю, где девчонка. Пацан. Детский приёмник в другой стороне. Старшина даст нагоняя. Слияние. Контроль. Стоять, сержант! Уф-ф-ф, чуть не сорвалась рыбка с крючка. Не дёргайся! Тпру-у-у! Стоять, Розка! Какой ретивый жеребец попался, страх перед старшиной в нём сильнее моего прямого приказа. Шалишь, не спрыгнешь, я тебя весь мозг выжгу, попробуй ты сопротивляться, сержант! Я и есть твой страх! Самый страшный, смертельно опасный страх! Вот, так-то лучше!

Представь себе ринг. Этого помещаем в красный угол. Держим, не даём вскочить и выйти на ринг. Теперь Гриша... Григорий... слияние... контроль...

– Убрать бутылку! А я сказал, тебе нельзя сегодня пить!

Вздрагивает, как от удара током, продолжая с тоской смотреть на заветную бутылку и стоящий рядом с ней пустой стакан.

Помещаем этот объект в синий угол ринга, привязываем его к столбу прочными путами. Не дёргайся, Гриша, не создавай волну возмущения, не путай мне карты и картинку. Трудно, чертовски трудно удерживать два объекта под контролем. Приходится постоянно прыгать между ними, чтобы поддерживать управляющие ниточки, которые так и норовят оборваться.

– Гриша, открой тайник и достань деньги. Сейчас самое важное дело – открыть тайник.

Тяжко вздохнув, явно не понимая, что его толкает прочь от заветной бутылки, Григорий сдвигает стол в сторону, привычным движением распахивает люк и выбрасывает на пол несколько денежных пачек.

– Возьми портфель, положи столько денег сколько влезет.

Обречённо подбирает, брошенный вчера вечером на пол портфель, распахивает его и начинает набивать деньгами, вытаскивая из тайника пачки по мере необходимости.

– Стой. Теперь достань револьвер. Разверни его и сунь вниз под деньги. Проверь, что можешь его легко достать при необходимости.

Несколько раз перекладывает пачки, чтобы рука свободно проникала под них. Выхватывает, целится и делает вид, что стреляет – вчерашние мысли неожиданно всплывают в его памяти. Мыслей я не слышу, но эманации точно такие же. Он готов убивать их прямо сейчас.

– Спрячь револьвер в портфель. Быстро одевайся, бери портфель и беги в ГУВД. Сразу поднимайся в кабинет начальника и заходи без предупреждения. Если адъютант будет спрашивать, скажи, что по тому же делу, он всё поймёт.

Гриша кивает, как китайский болванчик, подтверждая, что приказ принят и понят. Хватает портфель и решительно шагает в прихожую. Хорошо, очень хорошо. Теперь важно не потерять его по дороге.

– Если кто-то знакомый попадётся на твоём пути, не разговаривай, просто кивни и беги дальше! Самое важное для тебя сейчас – попасть в кабинет начальника ГУВД! Там Городец! Твоя цель Городец!

Начинает мелко кивать, мой приказ попадает в русло его самого горячего желания. Он всё ярче представляет себе, как войдёт в этот кабинет и выпустит все семь пуль в ненавистного начальника. Сейчас у него нет опасений, что будет после этого, он весь погружён в конечную цель, она стала для него сверхзадачей.

Шустрый малый, летит, как конь молодой крупной рысью. Уже и здание ГУВД показалось неподалёку. Вижу нас с сержантом, стоящих на крыльце перед входом. В глазах даже не двоится, троится. Срочно разгоняем боксёров по углам, оставляя зрение только себе. Мы в куче, никого отдельно контролировать не требуется.

Самое время составить более чёткий план, который выведет нас из-под всех подозрений. Мы должны уйти раньше, чем Гриша устроит кровавые разборки в стиле 90-х. И все должны видеть – мы ушли, всё спокойно, все живы. А уж потом бац-бац-бац и вендетта окончена!

Итак, дежурный видел, как старшина и сержант получили оружие для исполнения задания начальника ГУВД. Сперва прибывает старшина и тащит к начальнику женщину. Не ведёт,

не сопровождает, а именно тащит, как преступника. И оружие получали, значит, преступника опасного.

Теперь появляется сержант с ребёнком на руках. Это тоже опасный преступник? Дежурный явно заинтересуется, задаст вопросы, захочет узнать подробности, но это лишнее. Поэтому сержант отмахивается, говоря, что тот может при желании всё узнать у полковника. Далее мы с ним поднимаемся и заходим в кабинет. Немая сцена – нас не ждали, но и на вопросы у них времени не будет, потому что следом появится Гриша.

Почему он в кабинете? Зачем он пришёл? Да, вот же – деньги принёс, зарплату, так сказать. Разрешите выдать согласно ведомости? Ха-ха-ха – шутка! Почему-то уверен, никто не будет возражать, особенно увидев, что из портфеля действительно появляются деньги.

Самый опасный в этой ситуации – старшина, его нужно валить сразу, пока он не сообразил, что происходит. Нельзя его держать под стволом, прикроется Светланой и завалит Гришу как поросёнка. И стрелять сразу нельзя, нам нужно покинуть кабинет раньше, чем начнётся стрельба. Прямо задача, как перевезти через реку волка, козу и капусту, если лодка за один раз вмещает только два объекта из трёх.

Тогда мы с сержантом остаёмся у двери за спиной старшины. Гриша кидает ему пачку денег со словами «За отлично выполненное задание», сержант в этот же момент бьёт его по затылку рукоятью пистолета, выводя из игры. Таким образом, выносим за скобки волка, оставляя козлов и капусту.

Гриша берёт под прицел всех начальников, мы со Светланой в сопровождении сержанта покидаем здание ГУВД. Всё. У нас есть алиби. Делаем паузу, сколько позволяют обстоятельства, затем мочим всех, включая Гришу. Кхм, сержант! Что с ним делать? Он ведь вывел нас из здания! Вернуть обратно? Да, других вариантов не вижу. Финальный аккорд перестрелки – Гриша и сержант стреляют друг в друга одновременно. И пусть в результате преступники становятся невинно пострадавшими, Гриша террористом, а сержант героем, погибшем, защищая лучших людей города, главное – я разрываю все связи, вывожу лишних людей из уравнения, упрощая задачу обеспечения гарантии нашей спокойной жизни в этом городе.

Отличный план. Это и смущает. Слишком всё гладко. Где-то точно есть овраги. Но деваться всё равно некуда, потому что мы уже топаем по ступенькам, отмахнувшись от дежурного. Впереди нас шагает солидный мужчина в дорогом костюме, а следом, буквально наступая на пятки, плетётся Гриша, зажимая под мышкой тяжёлый портфель. И никаких тебе магнитных рамок, просвечиваний, обысков на входе – хоть пушку проноси, главное, чтобы стены не поцарапал.

При виде солидного мужчины адъютант вскакивает и отдаёт честь.

– Здравствуйте, Леонид Сергеевич, – подобострастно осканивается он. – Доложить о вас Степану Ефимовичу?

– Сиди спокойно, Никифор, он мне звонил, сказал, дело есть срочное, – махнул вальяжно рукой первый секретарь. – Что пьют? – деловито осведомился он.

– Коньяк. Арарат, – моментально ответил адъютант.

– Терпеть не могу коньяк, – поморщился партийный босс. – Как не русские люди, право дело! Вот что, Никифор, ты мне водочки принеси и закуски правильной! Не лимоном же закусывать, чтоб им пусто было, – хохотнул он, пребывая в отличном настроении.

Пришедший без стука вошёл в кабинет, плотно прикрыв за собою дверь. Адъютант метнулся к ворчащему в углу холодильнику, выхватил холодную бутылку водки, выбрал чистый стакан. Затем вытянул из банки на блюде солёных огурчиков, порезал сала, отломил пару ломтей чёрного хлеба. Осмотрел с удовлетворением композицию и тут заметил сержанта, стоящего в дверях.

– Тебе чего, Гришук? Кабинетом ошибся?

– Никак нет, товарищ капитан! Приказано явиться с малым к товарищу полковнику!

– А-а-а, ты по этому делу? – он мазнул по мне заинтересованным взглядом, не обнаружил ничего интересного и кивнул на дверь. – Заходи прямо за мной, чтобы два раза начальство не дёргать!

Та-а-а-а-к, первый пункт плана выполнен, мы в кабинете.

– Ты чего сюда припёрся, Грицук? – шипит старшина, стараясь не привлекать внимание начальства. – Тебе где велено быть с этим щенком?

– Так это, не приняли у меня ребёнка, – леплю первое, что пришло в голову. – Пришёл, дежурный говорит, вы у полковника, ну, я и поднялся, – коряво поясняет сержант невыполнение прямого приказа.

– Поднялся он, – ворчит старшина. – На хрена ты тут кому сдался? Не мог в приёмной подождать?

Адъютант, расставив всё принесённое на столе, убегает на место, но не успевает захлопнуть дверь, как в кабинет врывается Гриша.

– Товарищ, вы куда прётё? – пытается встать у него на пути адъютант. – Вы записывались?

– Я по этому же делу, – важно заявляет Григорий, не позволяя вытеснить себя из кабинета. – Пётр Данилович, я принёс, как мы и договаривались, – кричит он, обращаясь к Городцу.

Тот переводит недоумённый взгляд со своего зама на пухлый портфель и обратно, пытаясь вспомнить, о чём именно они с ним договаривались. Потом в мозгах, одурманенных алкоголем, сдвигаются шестерёнки и мысли занимают правильное положение: заместитель – портфель – деньги. Наверное, он распорядился, чтобы Григорий принёс ему деньги в этот кабинет. Это правильно, ведь, как говорится, не подмажешь, не поедешь.

– Никифор, пропусти, это мой человек, – распоряжается Городец. – Гриша, дверь за собой закрой, чтобы никто уши не грел. Ефимыч, ничего, что я тут раскомандовался?

Судя по алчному блеску в глазах полковника, он правильно понял причину, по которой заместитель Городца припёрся в его кабинет с полным портфелем.

– А чего? Общее ведь дело делаем, – расплылся в довольной улыбке полковник. – Ты проходи, Григорий! Сейчас мы тут с небольшим дельцем разберёмся и займёмся нашим вопросом! Данилыч, я правильно понимаю? – подмигнув, спросил он Городца.

– Ну, тут понятнее некуда, – подтвердил тот.

– Так, товарищи, а нельзя как-то объяснить тем, кто не в курсе, чего вы меня вытащили на эту пьянку? – недовольно покривился первый секретарь. – Что тут делает эта женщина? Зачем нам младенец? И эти ваши... подчинённые! Они так и будут тут стоять?

– Сергеич, с этим вопросом мы быстренько разберёмся, а все присутствующие, чтобы тебе было спокойнее, в теме, будут держать язык за зубами, – авторитетно пояснил полковник. – Помнишь, я тебе вчера рассказывал, анонимка ко мне пришла, всякую напраслину на нашего уважаемого Петра Даниловича возводят! И кто бы это мог сделать, как думаешь?

– Ну-у-у, враги народа какие-то, не иначе, – предположил партийный босс. – А баба эта тут при чём?

– Ты не спеши, Сергеич, выпей, закуси! Нас ведь никто отсюда поганой метлой не гонит, ха-ха-ха, – довольный собственным остроумием рассмеялся полковник.

Леонид Сергеевич оценивающе посмотрел на Светлану, на меня, потом налил водки и выпил, занюхав ломтем хлеба.

– Ну, выпил! Что дальше?

– Вот вечно ты торопишься, Сергеич, – укорил полковник гостя. – Это ведь не план семилетки, тут торопиться нельзя! Важное дело, касающееся всех здесь присутствующих! Так вот, Сергеич, ту самую анонимку написала как раз эта баба! Но, самое интересное, в точности, как говорит уважаемый Пётр Данилович, указала место, где он хранит свои скромные сбережения! Представляешь, Сергеич? В точности! Приходи и бери!

– Ефимыч, ты это... – неожиданно оживился Городец, – бумажку бы сжёг! От греха подальше!

– Соглашусь, – не стал спорить полковник, – попади она в чужие руки и прощай свобода, Данилыч, ха-ха-ха.

– Не вижу ничего смешного, – покраснел от обиды Городец. – Меня возьмут, так я долго молчать не стану, всех за собой потяну!

– Ну, ты язык-то прижми, – рыкнул полковник. – Нашёл кому угрожать!

Он смял и кинул в пепельницу листок, затем чиркнул спичкой и подпалил его сразу с нескольких сторон. Поворошил пепел карандашом, проверяя, чтобы не осталось несгоревших остатков.

– Теперь успокоился? – насмешливо глядя на Городца, спросил полковник.

– Откуда она это узнала, что у тебя есть деньги, да ещё и где ты их хранишь, Петя? – озадачился первый секретарь. – Опять во все тяжкие по бабам ринулся? Болтаешь пьяный, что ни попадя? Мы же тебе сколько раз говорили – не доведут тебя бабы и водка до добра!

– Да я её только у себя в кабинете с каким-то старым хрычом всего один раз и видел, – возмутился Городец. – Припёрлась, как к себе домой, и давай права качать – дайте немедленно матери-героине хоромы! Понятия не имею, откуда она про деньги и наши делишки узнала! Сами у неё спросите!

– Спросим, обязательно спросим, Данилыч! Но не в этом самый главный интерес, Сергеич!

– В смысле, не в этом? Она так про каждого из нас написать может!

– Уже не сможет, будь спокоен, Сергеич, внутренние органы бдят, ха-ха! Так вот, эта гражданка возжелала получить себе квартирку и пришла с этим наглым заявлением в горисполком, откуда и была послана по известному адресу, так как не имела для этого никаких оснований! Но... – он выдержал театральную паузу, налив коньяка в бокал и сделав большой глоток. – Но, её это разозлило, и она, со слов Петеньки, прокляла его так, что у него всю рожу перекособочило! Ты же помнишь, Сергеич, что Пётр Данилович на больничный неожиданно ушёл?

– Шутишь? До ведьм уже допились, работнички? Ну-ну, скоро про вас в газетах писать начнут, кто, где и сколько отжал денег себе в карман! Экскурсии для пионеров будут устраивать по вашим хоромам: "А тут, ребята, заслуженный хапуга Пётр Данилович Данилец хранил свои нечестно нажитые миллионы!" Вам бы только водку жрать, о безопасности лапоть не звенел! А я говорил, не доведёт до добра ваша расхлябанность!

Партийный секретарь орал, не думая, услышит ли что из сказанного адъютант, сидящий за дверью, нужно ли что-то подобное знать сержанту и старшине, и тем более женщине, с изумлением переводящей испуганный взгляд с одной пьяной рожи на другую.

– А ты, Сергеич, не спеши нас позорить, потому что и с тобой, и со мной, да со всеми может такое приключиться. Готов рискнуть? Эй, женщина, можешь прямо сейчас проклясть нашего первого секретаря? – укоризненно, как с дитём малым, посетовал, а затем зыркнул в сторону Светланы полковник.

– Ты это... глупостями не занимайся, – напрягся Леонид Сергеевич. – Устроили тут цирк, понимаешь! Меня зачем позвали?

– Так она тебе на нас пожаловаться хотела, – расхохотался полковник, радующийся неподдельному испугу партийного чиновника. – Ну, ведьма, чего язык в жопу засунула? Вот тебе первый секретарь – жалуйся!

– Как вы смеете? Какая я вам ведьма? Я не писала никаких анонимок! Ничего не знаю! Не имеете права меня арестовывать! Отдайте мне сына! – заплакала Светлана, пытаясь вырваться из цепких лап старшины.

Милиционеру пришлось ухватить её двумя руками, выпустив рукоять табельного пистолета. Светлана билась в истерике, вырывалась изо всех сил, пыталась лягаться, но старшина сжимал её до тех пор, пока она не обмякла, потратив остаток сил. Так, самое время для завершающей фазы. Гриша, действуй.

– Товарищи, у нас тут поступили деньги, хочу сразу выдать всем внеочередную премию, – Григорий распахнул портфель, вытащил пачку денег и тотчас метнул её в сторону двери. – Держи, старшина, премия за отличную службу!

Алчность губит людей гораздо чаще, чем нож или пуля. Бросив Светлану, старшина метнулся навстречу деньгам, и в тот же момент сержант, отбросив меня в сторону, вбил рукоять пистолета в его затылок. Старшина беззвучно ткнулся лицом в паркет, деньги упали ему на спину и рассыпались по полу, порвав бумагу.

Чёрт, а нельзя было помягче швыряться младенцами? Я ведь влетел башкой в стенку! Были бы мозги, получил бы сотрясение, – привычно подумал я, почувствовав неладное. Связь. Контроль. Слияние. Из меня всё махом вышибло.

Немая сцена. Озирающийся по сторонам и ничего не понимающий Григорий. Сержант, трясущимися руками собирающий разлетевшиеся деньги с пола. Светлана, кинувшаяся ко мне и застывшая, прижав меня к груди. Триумвират за столом, с недоумением наблюдающий за произошедшим.

– Грицук, дьявол тебя задери, ты что творишь?

– Так деньги же, товарищ полковник, – сглатывает слюну только что пришедший в себя, не понимающий, как оказался в кабинете полковника, ошалевший сержант.

– Ты зачем сюда припёрся, идиот? И зачем своего товарища оглоушил, debil? Денег тебе мало плачу? – орал полковник. – Гриша, дай ему ещё, пусть подавится!

Деньги... хочу денег... много денег... жирные свиньи... скупердяи... целый портфель денег... взять и перестрелять тут всех... руки дрожат... слияние... контроль... в красный угол, сержант! Это приказ!

Почему я здесь? Зачем я притащил сюда свои деньги? Это мои деньги... не отдам... я их заработал... жадные сволочи... Городец... Ленка... убить... слияние... контроль! В синий угол! Полное подчинение!

– Степан Ефимович, что у тебя тут творится, чёрт бы тебя побрал? Что за бардак? Надоело быть начальником? Хочешь на заслуженный отдых? Так я могу поставить вопрос на ближайшем заседании! Со всеми почестями! Вынесем из кабинета, как положено, вперёд ногами!

– Сергеич...

– Леонид Сергеевич!

– Леонид Сергеевич, виноват, исправлюсь! От своей доли откажусь, – выдвигает Городец главный аргумент. – Гриша, чего застыл? Давай сюда мои деньги, видишь, попал я в опалу, – требует он у стоящего, как соляной столп Григория.

– Деньги? Какие деньги? – безлико спрашивает Гриша. – К вам пришла смерть, товарищи, – сообщает он, как кондуктор, объявляющий следующую остановку. – Первый, кто дёрнется, получит пулю! Кричать не нужно, сразу стреляю на поражение! Если поняли, кивните! Вас трое, патронов семь, успею убить два раза, если найдутся желающие броситься на амбразуру, – сухо сообщил он условия ультиматума.

– Гриша, ты чего? Ты зачем наставил на нас оружие? Ты стрелять из него умеешь? Убери сейчас же, – забормотал Городец, не сводя взгляда с воронёного ствола.

Молодец, Гриша, так держать! В смысле, держать их на мушке, чтобы даже не думали дёрнуться!

– А мы пойдём, пожалуй, – неожиданно странным для себя голосом сказал сержант. – Гражданочка, давайте провожу вас на выход, – предложил он и приоткрыл дверь так, чтобы

адъютант не заметил Гришу с револьвером. – Сейчас вернусь, товарищ полковник, – крикнул он в кабинет, и мы вышли, плотно закрыв за собой двери.

– Ну, что там? – оживился адъютант. – Надолго у них пьянка?

– Надолго, но вы, товарищ капитан, пока лучше не заходите! У них там какой-то секретный разговор, меня вот с женщиной вытурили, чтобы уши не грели.

– А чего их, вообще, сюда притащили? – недовольно скривился адъютант.

– У полковника то ли внук, то ли внучка в школу скоро собирается, вот и приказали притащить училку, чтобы понять, что там для этого нужно, – пояснил с глупой ухмылкой сержант.

– А оружие вам зачем выдали? – не поверил в версию бдительный капитан.

– Товарищ капитан, а я не спрашивал! Сказано, получить, я получил! – изобразив тупого солдафона, ответил сержант. – Не буду же я с начальством спорить? Ну, может, для солидности!

– Ну, да, так оно, наверное, и есть, – согласился капитан.

– Велено проводить на выход и вернуться, – на всякий случай напомнил сержант. – Так я это, быстро! Вдруг, нальют? – хохотнул он.

Светлана, еле переставляя непослушные ноги, шагала за сержантом, крепко прижав меня к груди. И без слияния понятно, что сейчас у неё в голове каша, страх, тревога за дочку и совершенное непонимание происходящего.

Какая анонимка? Почему её считают ведьмой? Как такое может быть, чтобы партийный начальник был заодно с преступниками? То, что полковник и Данилец совершенно не похожи на честных людей, она поняла сразу и однозначно, уж больно дико звучало для неё «вывезти в лес и прикопать», «пустить по кругу», «развлечься с бабой и добиться признания».

Как только мы спустились с крыльца, оставив за спиной сержанта, я прошептал ей на ухо «Маша... садик... хорошо». Она не сразу поняла, что это сказал именно я, обернулась по сторонам, затем посмотрела мне в лицо. «Маша... садик... хорошо», – повторил я, старательно выговаривая слова, и сразу почувствовал, как её отпускает напряжение. Ей захотелось упасть, свернуться клубком и забыться, выкинуть из памяти весь случившийся с нами кошмар. Да, мама, мы сделаем это, но позже, сейчас я немного занят, мне нужно завершить грязную работу!

Вливаю в Светлану немного энергии, чтобы добавить ей сил, и переключаюсь полностью на Гришу с сержантом. Револьвер в руках Гриши трясётся от волнения, эдак он и в стену не попадёт, а ему нужно уложить трёх человек и, желательно, наглухо. Кстати, не трёх, а четырёх, мы забыли о старшине, он тоже входит в преступную группу.

Открывается дверь, впуская сержанта, адъютант, пытавшийся протиснуться следом, остаётся в приёмной. Не надо спешить на тот свет, капитан! Я не кровожаден, просто привожу приговор в исполнение. Здесь я един в трёх лицах – прокурор, судья и палач. Мой приговор обжалованию не подлежит, и амнистия на него не распространяется. Так что просто сиди за своей пишущей машинкой и продолжай делать вид, будто занят очень важными делами.

Ну, Гриша, сконцентрируйся, мобилизуй все силы, тем более, что они тебе больше не понадобятся. Помогу тебе немного, потому что ты однозначно не успеешь завалить всех и сразу. Сержант молча подходит к лежащему на полу старшине и пытается вытащить из его кобуры пистолет. Следствие увидит, служивый сошёл с ума, начал стрелять в собственное начальство, ему помог присутствующий в кабинете Григорий, а сержант, пытаясь всех спасти, пристрелил старшину и Гришу, получив в ответ от него пулю.

Чёрт, старшина только делал вид, что лежит без сознания. Захватил руку сержанта, крутнулся по полу, затягивая его под себя, вышибая локтем дух. Промазал, удар пришёлся вскользь, но сержант поплыл, потерял инициативу.

Гриша сместил прицел, выстрелив два раза в клубок на полу. Одна пуля ушла в пол, вторая попала сержанту в ногу. Блин, ворошиловский стрелок! Подойди ближе, не трать понапрасну патроны! Вот так... в голову старшину... теперь добей сержанта, всё равно не жилец!

А вы куда? Выстрел из револьвера разносит вдребезги бутылку водки, заставляя приговорённых замереть в нелепых позах. Теперь уже Гриша вытаскивает пистолет из кобуры старшины, снимает с предохранителя и идёт к столу, держа под прицелом двух стволов всю компанию.

Распахивается дверь, в кабинет вваливается капитан и милиционеры, скорее всего, прибежавшие на звук выстрелов. Ну, что, безоружные, вы ведь не кинетесь подставлять грудь под пули, не вам предназначенные? Застыли у двери, никто не решается сделать первый шаг, чтобы остановить преступника.

Выстрел из револьвера. С пуль в груди отлетает к стене полковник. Выстрел из пистолета. Мимо. Ещё выстрел – пуля, попавшая в плечо, разворачивает Городца боком. Следующая попадает ему в ухо, забрызгивая стену кровью и мозгами. Револьвер в сторону – кончились патроны. Два выстрела подряд в первого секретаря горкома КПСС – кучно легли в грудь. Очень надеюсь, что наповал.

Но лучше не надеяться на удачу, нужен контроль. Выстрел в сторону двери – выше голов, для острастки, чтобы не ринулись раньше времени. Полковник и первый секретарь – два выстрела в голову, теперь их не оживит даже самый крутой хирург. О! Герои, кинулись толпой на Гришу, надеясь, что последняя пуля достанется не ему. Нет, ребята, следовательно придётся собирать улики и строить версии самостоятельно, живых свидетелей не будет. Прощай, Гриша! Ты проделал большую и очень важную работу, пора тебе на встречу с поделщиками! Выстрел в висок разрывает связь моментально.

Ну, можно выдохнуть? Чувствую себя, как лягушка, побывавшая под асфальтовым катком! Но покой нам только снится – Светлана, как замороженная смотрит в сторону ГУВД, откуда слышен грохот и сверкают вспышки выстрелов. Она снова в панике, её начинает трясти от осознания, что она могла быть там и попасть под обстрел.

Выстрелы... вспышки... страх... Лёшка... Маша... опасность... защитить... нужно бежать... куда бежать... слияние... контроль.

Доходим до ближайшей скамейки и садимся. Заставляю Светлану поставить меня на землю рядом со скамейкой. Дыши. Дыши глубоко и ровно. Ты спокойна. Ты совершенно спокойна. Ты вспоминаешь раннее утро. Машка не хочет расставаться с Кристиной. Красивая кукла. Лёшка стал совсем большим. Деньги. Телевизор. Нужно узнать, где можно его купить.

Тебе хорошо. Завтра праздник. Утром ты отвела Машку в садик. Сейчас отдашь меня в ясли. У тебя всё хорошо. Ничего утром, кроме того, что я сказал, не было. Если спросят, где ты была утром, ответишь, вызывали в ГУВД для консультации о подготовке ребёнка к школе! Какого ребёнка? Ты не знаешь, никто не называл никаких имён. А теперь проснись, улыбнись, найди нашу коляску и отвези меня в ясли, ведь тебе давно пора на работу.

Коляску! Там ведь лежит Иннокентий Петрович! Они могли его убить! Не отпускаем контроль, шагаем быстро, у нас важное дело, нам нужно спасти хорошего друга, бросившегося на нашу защиту, несмотря на явное превосходство противника. Вот коляска! Иннокентий Петрович! Лежит без движения, и никто его до сих пор не заметил! Опустим меня к нему! Дыхание слабое, пульс есть, сознание спутанное. Прикладываю руку и запускаю фиолетовый вихрь в тело учителя! Он должен жить!

Слава богу, успели, но и это не финал. Нам не нужны лишние свидетели, поэтому боль в голове... холодно... рука онемела, будто отлежал... хочется встать, но нет сил... слияние... контроль.

Иннокентий Петрович, сейчас вы встанете полные сил и здоровья, но не вспомните причины, по которой упали. Просто споткнулись. Ваши воспоминания начинаются с этого момента – вы поздороваетесь со Светланой и отпустите её. Всё нормально, всё хорошо, всё в порядке.

Теперь с тобой, мама. Всё то же самое – ничего не произошло. На твоих глазах Иннокентий Петрович споткнулся и упал. Ты помогла ему встать и отряхнуться. Вы распрощаетесь до встречи на работе, тебе нужно в ясли.

Уф-ф-ф, неужто всё? Убираем контроль!

– Иннокентий Петрович, вставайте! С вами ничего не случилось, – беспокоится мама, помогая историку встать.

– Что-то я стал неловким, – смущается старик, опираясь на руку Светланы. – Раньше я за девушками, теперь девушки за мной ухаживают, – тихонько смеётся он. – На ровном месте споткнулся!

– Ой, со всяким случиться может, – успокаивает его мама. – Вчера растаяло, ночью подморозило, можно совсем убится, а на вас ни царапинки, – смеётся она. – Вы в школу?

– Да, решил вот прийти пораньше, со вчерашнего дня дела остались, – смущённо признаётся он. – Не успеваю совсем, старость не радость!

– Иннокентий Петрович, да вы поздоровее нас молодых, – делает комплимент Светлана. – Мне ещё Лёшку нужно в ясли закинуть, так что я на педсовет могу опоздать. Прикроете?

– Разведка своих не бросает, – смеётся историк.

Уф-ф-ф-ф, вот теперь действительно всё. Эту страницу истории можно перевернуть. Страшную, кровавую, грязную, её даже не перевернуть, а вырвать и сжечь лучше бы всего, но увы, история не терпит сослагательного наклонения. Всё, что в ней произошло, остаётся на века, хотя... и переписывается на свой лад каждым следующим поколением.

– Ух, какой серьёзный карапуз у тебя, Светочка, – учитель поднимает меня на руки, помогая уложить в коляску. – У него кровь из носа идёт, это нормально? – обеспокоенно спрашивает он у мамы.

– Кровь? Ой, как же так? Разве у малышей может идти кровь носом? – мама старательно вытирает мне лицо. – Не унимается! Иннокентий Петрович, что делать?

Ну, давайте ещё в панику впадём, скорую вызовем, в Москву самолётом отправим. Кровь из носа идёт по причине... действительно, а почему она не останавливается? Я ведь могу... нет... только не сейчас...

– А-а-а-а... а-а-а-а... за что? В чём я опять провинился? Сделал всё, как надо! По справедливости! За что меня снова наказывают, как нашкодившего щенка? А-а-а-а... а-а-а-а...

– Светочка, ну, что ты так волнуешься? – искренне удивляется учитель. – Никогда кровь из носу не видела? Давай приложим к носу снежок, и всё пройдёт само собой!

Иннокентий Петрович говорит спокойно, уверенно, сам прикладывает снег к моему лицу, поворачивая тугой комок так, чтобы он не успевал подтаивать. Не могу сказать, помогает это или нет, мысли только об одном – я снова пуст! Может, это и правильно! Ошибки исправлены, проблемы устранены, можно и нужно жить обычной жизнью человека, не обладающего магией! В конце концов, никто не лишает меня знаний и умений, я могу ещё о-го-го как послужить Родине! Так что, Лёха, нам ли быть в печали?

Разочарование

Вторник, 07.03.1961, утро, ясли.

Самое время уснуть, забыться, сделав вид, что ничего не произошло этим утром. Выбросить из памяти людей, убитых по твоему приказу. Плохих людей, но ты не суд, чтобы выносить им приговор. Не мы такие, жизнь такая! Хорошая отговорка для ребёнка, но ты ведь, Лёха, умудрённый жизнью старик! Неужели сложно было представить, к чему приведёт затея с анонимкой? Из детского любопытства решил сунуть палку в муравейник, не подумав, что он может оказаться берлогой. А потом события управляли тобой, а не ты ими, хотя и кичился своей продуманностью, способностью предсказать ход тех самых событий.

Заигрался ты, Лёха, в народного мстителя, откровенно заигрался. Тебе снова помогли спасти твою жалкую жизнь, потому что ты чем-то критически важен для них. Но не посчитали достойным носителем дара и лишили возможностей, к которым за это утро успел привыкнуть, посчитав их своей собственностью.

Ну, ещё бы, открывались просто сумасшедшие перспективы проникновения к вершинам власти. Ты мог творить всё, что считаешь нужным, но, судя по тому, что уже натворил, вполне мог превратиться в кровавого тирана, творя суд и расправу по своему разумению. И это не детство в одном месте играет, это позиция взрослого человека, помноженная на магию. Всевластие не для человека, он слаб, неразумен, жаден, корыстолюбив. Отпусти поводок, и он рванёт во весь опор по буеракам, не обращая внимания, что или кто попадает под колёса.

Человек способен понять и посочувствовать другому, только находясь на одном уровне, на одной волне с ним. Поднялся чуток выше, как тотчас же униженные и оскорблённые остались там, в туманной мгле: на тебе теперь забота обо всех разом, но ни о ком в отдельности. И пропадает человечность, появляется цинизм и расчётливость, требуемые для управления государством.

Дай обычному человеку волшебную палочку, и он завалит свой дом всякой ерундой, бездарно потратив три заветных желания. Получи в свои руки такую же палочку глава государства и этот мир содрогнётся, захлебнувшись в крови и страданиях. Просто он будет следовать высшей цели для своего государства в лучшем случае, или для себя лично в худшем.

Так что всё правильно, совершенно справедливо меня снова лишили той самой волшебной палочки, чтобы не натворил бед в бóльшем масштабе. Буду помнить, что в случае угрозы жизни меня обязательно спасут, но вот так в повседневности для обеспечения моих далеко идущих планов использовать дар не получится. Не достоин! Не прошёл проверку медными трубами, пошёл по самому простому кровавому пути, не проявив ни в малейшей степени той самой мудрости, что приходит с возрастом.

Не спится, не ложится, сейчас бы под водочку, да на кухоньке поболтать с хорошим другом, поплакавшись ему в жилетку на жизненную несправедливость. Но ещё очень долго не будет в моей жизни водки, да и друзей таких поискать нужно. Пока что слишком узок круг знакомых – близкие, няньки, друзья мамы, да ползающие в манеже карапузы, ничего пока не соображающие. И посредине этого сообщества гений мысли, надежда страны на крутой поворот. Эй, кто-то собирается обратить на меня внимание?

Тишина. Ненавижу тишину с некоторых пор. Но и орать не собираюсь, нет в этом никакой необходимости. Хотя порой унижительно гадить в подгузники, когда могу делать свои дела в горшок, будь на то воля няньки. Не видел в нашей палате горшков в принципе, потому что сей трон предназначен для карапузов в возрасте старше полутора лет. Но я уже хожу, уже проявляю интерес, могли бы и проявить инициативу к отдельно взятому ребёнку.

– Привет, красавчик, – мягко wpłyвает в поле зрения лицо Нинки.

Голос спокойный, нет признаков волнения, обиды или раздражения. Об утренних событиях ещё, скорее всего, никто не в курсе, а вчерашние разочарования за ночь перегорели.

– Здравствуй, Нина, – со вздохом отвечаю я.

Не хочется улыбаться, делать вид, что бесконечно рад её видеть. Она не моя жена и даже не любимая девушка, чтобы напрягаться при встрече. У нас рабочие отношения. Простые, не требующие проявления эмоций. Ворчун старый. Нинка в чём провинилась? Не она тебя под монастырь подвела, а ты своими руками подпалил тот самый монастырь, наивно надеясь, что огонь не перекинется на близких тебе людей.

– Как здоровье? За ночь ничего нового не проявилось? – с неприкрытой надеждой интересуется она, поправляя простынку.

– Нет, – снова тяжело вздыхаю я. – Извини, Нина, пустой, бесполезный, никому не нужный, – пожаловался я на судьбу-злодейку.

– Выдумал тоже, – фыркнула Нинка. – Всем нужный! Мамке своей, сеструхе, мне, Кате – вон уже сколько народу набралось, кому ты нужен в любом виде! Так что прекрати страдать, у нас всё хорошо, – попыталась она успокоить впавшего в депрессию ребёнка.

– Нин, а можно мне уже горшок под кровать поставить? Я ведь уже всё соображаю, и пачкать пелёнки мне совсем не нравится, – попросил я.

С уходом Клавды оборвалась ниточка продажи моих «золотых» выделений, ко мне стали относиться точно так же, как и ко всем прочим малышам, даже хуже, словно компенсируя ранее выданный кредит хорошего отношения. Ничего особенного, но подходили реже, делая то, что нужно автоматически, без улыбки, без ласковых слов, будто я кукла, а не живой малыш.

Оно и понятно, какой теперь с меня толк? Чем я выделяюсь из прочих? Ничем. Но в отличие от других младенцев вызываю постоянное чувство досады, что теперь не капает в карман денежный дождик. И кто в этом виноват? Ну, конечно же, я, а кто ещё? Железная логика. Женская логика.

– Поставлю, – тотчас согласилась Нинка. – Скажу нашим, чтобы тебя сажали на горшок, если ты попросишь, – тут она задумалась, прижав палец к губам. – А как ты попросишь? Откуда они узнают, что ты на горшок просишься?

– Ну-у-у, а ты бы что предложила? – ей виднее, она таких младенцев за свою работу много навидалась.

– Ты ведь уже как-то умеешь говорить? – ехидно прищурилась она, понимая, что тайной моей разговорчивости владеет исключительно она. – Пусть это будет какой-то общий сигнал, ну, поори немного, а, когда подойдут, скажи «а-а» или «ка-ка»!

– Отличный вариант, – немедленно согласился я. – Так и сделаю!

Одной проблемой меньше, надоело чувствовать себя засранцем. К тому же, пока нянька обратит внимание на обделавшегося младенца, вся попа сопреет. А оно нам надо? Наша попа – наша гордость! Некоторые президенты таких вот младенцев в попу целуют, а там какашки! Фу-у-у! До президентов нам ещё, как до Китая на карачках, но нужно быть готовым к любым неожиданностям.

– В аптеке остался хоть какой-то запас заряженных кремов?

– Есть немного, но это на пару дней не больше, – быстро прикинула Нинка.

– Вы их все сразу не отдавайте, на два обычных один заряженный, чтобы не сразу проявился эффект обычности, – посоветовал я. – Прикиньте, может, и выйдем без претензий из продаж, – попросил я. – На всякий случай. Ну, вдруг у меня всё наладится!

– Так и сделаем, – немедленно вдохновилась Нинка. – Может, тебе какое питание усиленное нужно? Сок морковный? Рыбий жир? Мясо протёртое?

– Нин, понятия не имею, если честно, – признался я. – Но рыбий жир терпеть не могу!

– Ладно, я тогда пока в аптеку сбегая, предупрежу девчонок, чтобы работали по новому плану, – подскочила на месте Нинка. – Не скучай, отдыхай, ты нам всем нужен, – бодро отдала распоряжения девушка, потом наклонилась ко мне и поцеловала.

Не в губы, в лоб, по-матерински, но такое тепло растеклось по всему телу, такой прилив сил, что захотелось обнять её и крепко прижать к своей могучей груди. Эх, ручки маловаты, да и грудь невелика, но улыбка счастья расплзлась на полмордашки точно. Меня любит такая красавица! Завидуйте, мужики! Эх, никто ведь даже не поймёт, не оценит, а жаль!

Убежала Нинка и снова тучки напозли на только что радостное настроение – мальчики кровавые в глазах мешают жить весело и счастливо. Как избавиться от гнетущего чувства вины? Как выжечь из памяти насмерть впечатанные туда сцены расстрела и смерти людей, только что бывших живыми и здоровыми?

Мы ведь не на войне, где, если не ты убьёшь врага, то он тебя отправит к праотцам с гарантией. Поэтому бей первым, бей насмерть, убей врага, спаси Родину! Хотя, справедливости ради нужно сказать, что и в этой ситуации у тебя не было другого выбора – враг собирался уничтожить твою маленькую Родину, тех, кто за эти восемь месяцев стал для тебя ближе всех на всём белом свете. И если бы ты мучился выбором, тварь я дрожащая или право имею, они бы сделали то, что задумали.

Так что ты всё сделал правильно, Лёха! Именно это и запомни – ты защищал то, что тебе было дорого, защищал жизнь близких тебе людей! И да, избавил свою большую Родину от нескольких уродов, которые ещё долго могли бы вредить ей, находясь на высоких постах! Не имел права? Ну, извините, так получилось! В следующий раз обязательно обращусь куда следует, если буду точно уверен, что там не очередной враг сидит.

– Ишь ты, дожились, сопляку персональный горшок, – слышу голос Аньки. – Все гадят в пелёнки, а ему горшок подавай! Раскомандовалась! И за что такие королевские почести? Или он её приплачивает из своего кармана? Или из пелёнок? – хихикнула она. – Откуда у него карманы?

– У Нинки всё не как у нормальных людей, – тотчас согласилась с ней Люба. – Прямо вьётся возле него, будто он её собственный малец, – хихикнула она. – У-у-у, паразит, лежит, глазками лупает, будто ничего и не было! – с затаённой обидой говорит она, вспомнив, видать, утерянную прибыль.

– Ну, зря, что ли, пришли? – глядя на меня, строго спросила Анька. – Скажи уже хоть что-то! Как деньги мамке из нас вытрясать, так не остановить было, а сейчас лежит смирененько, весь из себя паинька! Люба, а точно ни у кого нет такой же бабки, как у Клавки?

Совсем охренели, девки? Я вам машина что ли? Нет у меня сейчас потребности, просто поставьте горшок под кровать, как Нинка сказала, и идите себе с Богом! А про бабу даже не пытайтесь, погонят вас поганой метлой, замучаетесь пыль глотать!

– Нет, никто не знает, – с ожалением ответила Люба. – Да и ничего он не скажет, – уверенно заявила Люба. – Это ведь додуматься нужно, такого мальца и на горшок!

– Да плевать, притащили уже, пусть стоит, – отмахнулась Анька. – Пускай Нинка сама к нему бегаёт с этим горшком. Ты мне другое скажи, в больнице была? Как там заведующая?

– Без перемен, – вздохнула Люба. – Как бы не померла! Лежит, как покойник, едва дышит, вся бледная, как смерть! Вроде живая, а глянешь, так и кажется, вот-вот отправится на тот свет.

– Типун тебе на язык! Она крепкая! Ещё всех нас переживёт! Говорят, у неё врачи самые лучшие, – уверенно заявила Анька. – Это её Нинка с Анькой довели до белого каления! Так орали у неё в кабинете, что страшно подойти было, – оглянувшись по сторонам, поделилась Анька. – Я уж думала, убивают кого, а тут они сами из кабинета выбегают и тащут заведующую к кровати Лёшки! Вот чего им в кабинете не сиделось? Зачем в палату потащили?

– Аня, тебе приснилось, – не поверила Люба. – Мы же спали без задних ног! Откуда ты это слышать и видеть могла? Я первая очухалась, так что точно знаю, ты дрыхла и похрапывала даже!

– А вот сейчас и не пойму, – покачала головой Анька, признавая правоту Любы, – вроде спала, а всё, как наяву видела и слышала! Но точно без Нинки тут не обошлось, она ведь в каждой дырке затычка!

Эх, Виолетта Николаевна, как же вам не повезло так вляпаться? Вы уж меня простите, не подумал о таком, даже представить не мог, что ведьма через Клаву атакует! Поздно теперь в грехах каяться, но на заметку взял, второго такого случая не допущу! Обещаю! Вы там держитесь, цепляйтесь за жизнь, карабкайтесь к свету, а мы за вас помолимся, как можем! Есть Бог или нет, а слова людские проникают в душу, помогают нам выжить!

До обеда развлекался как мог. В манеже пытался хоть с кем-то познакомиться поближе. Вдруг среди них вот также скрывается засланец, и горюет, что некому душу излить? Молчат, как партизаны. В смысле, гу-гукают, орут, сучат ножками-ручками, дерутся за игрушки, но никто не показывает высокий уровень интеллекта. Скучно. Но физуху подкачал, уже начал помаленьку бегать по кругу, старательно выстраивая траекторию, чтобы ни с кем не пересечься.

Попытки достучаться до дара результата не имели. Глухо. Пусто. Все ушли на фронт. Хотя допускаю, мог тупо перерасходовать энергию, опустошить источник сверх меры, и сейчас нужна медленная подзарядка, медитация и спокойствие. Знать бы, что всё вернётся хоть когда-то, не переживал бы без толку.

Мысль одна мучит постоянно, зудит, как заноза под ногтем, не даёт покоя – если в арсенале тех, кто меня послал в это время, есть такая убойная штука, как возможность полного захвата личности, что им мешает самим выполнить задачу по спасению кого-то им важного? Пробежались волной хоть по всей стране, заглянули в каждый дом, квартиру, избушку, нашли, кого нужно и обеспечили ему полную защиту, наделив таким же даром! Для чего нужен такой сложный и долгий процесс? И зачем нужно было вытаскивать меня из далёкого будущего, неужто на местах не нашлось никого подходящего?

С другой стороны, почему ты решил, что тебя одного отправили на поиск? Сейчас твоё восприятие мира чрезвычайно сужено, ты не можешь узнать больше, чем видишь и слышишь рядом с собой! Тебе ли судить о планах этих кудесников? Эх, вот почему бы не поговорить перед тем, как кинуть в омут? Странные они какие-то, мутные!

– О, горшок притащили, думала, забудут, – удивилась Нинка, появившись рядом со мной после обеда. – Вот валяешься себе в кровати и не знаешь, какие дела в городе творятся, – с загадочным видом сообщила она.

Её прямо распирало от желания поделиться информацией, которую я давным-давно уже знаю из первых рук. Но это секрет, поэтому мне положено по сценарию изобразить удивление и настойчиво с пеной у рта требовать поделиться.

– Инопланетяне в городе высадились? Если да, то это точно за мной, – улыбаясь, высказал версию.

– Нет, за тобой пока никого не прислали, – отмахнулась от явной глупости Нинка. – Тут такое творится, весь город на ушах! В милиции была перестрелка, убили человек двадцать, трупы вывозили машинами, куча раненых, а самое главное – убили председателя горисполкома, на которого ты анонимку накалал!

– Ну, Господь шельму метит, – без особого потрясения от услышанного отозвался я. – А чего не сто человек убили? Или пятьсот? Там войсковая операция, что ли, была? Немцы в городе?

– Тьфу на тебя, какие немцы? – обиделась Нинка. – Сам начальник милиции встал на защиту подчинённых и был убит при исполнении! И первый секретарь горкома защищал людей до последнего! А ты немцы!

– От кого защищал, Нина? Кто на них напал? – не выдержал я, помня реальную картинку.
– Вообще-то, это милиционеры должны были их защищать, а не наоборот. И кто им оружие дал? Ну, начальнику милиции и первому секретарю? Или они постоянно ходят, пулемётными лентами перепоясанные?

– А вот этого никто не говорит, потому что тайна следствия и все дела, – расстроилась Нинка. – Откуда я знаю, почему так? Я же в милиции не работаю!

– Ну, главное, что мы с тобой живы и больше никто не пострадал! Так ведь? Не бегали убийцы с автоматами по городу? Не громили магазины и дома граждан?

– Глупости какие, – возмутилась Нинка. – Кто же им позволит?

– Ну, в милиции же позволили, если верить твоим словам, – резонно заметил я, – почему бы и в других местах такому не случиться? Точно всё в порядке? Точно никто больше не пострадал?

– Тихо всё, – пожала плечами Нинка. – Если бы кто пострадал, я бы знала! Только как слухи разлетелись по городу, в аптеке сразу все лекарства смели с полок! Кто-то брякнул, что война, так народ ринулся по магазинам тратить последние деньги! Я тоже на всякий случай в гастроном сбегала, тушёнки, спичек и соли купила, – похвасталась она довольная своей предусмотрительностью.

– А вот на фронте паникёров сразу к стенке ставили, – охладил я её пыл. – Какая война, Нин? С кем?

– Ну, не знаю, – задумалась она. – Может, с Китаем?

– А китайцы в чём провинились?

– Ну, их много, все жрать хотят и нас не очень любят, – выдвинула версию Нинка.

– Глупости, – решительно отверг этот вариант, не дав Нинке рот открыть. – Они сейчас нищие и голодные, но при этом у них нет современного оружия, чтобы переть буром на лучшую в мире армию, только что победившую Гитлера. Зубами они щёлкать могут, но не более того. Так что китайцы тут точно ни при чём.

– Ну, тогда не знаю, тогда бандиты какие-то – сдалась Нинка. – Говорят, там всё деньгами было усыпано! Может, в газете что-то напишут?

Ага. Разбежались. Не принято в СССР рассказывать народу, что у нас плохого произошло. Об успехах с утра до вечера из каждого утюга, во всех газетах и на каждом собрании. О проблемах исключительно в курилках и на кухнях при задёрнутых шторах, чтобы по губам не прочитали. Герои, значит? Грудью бросились на защиту сотрудников? А те в это время безропотно лежали, уткнув морды в пол? Были ведь свидетели, что стрелял Гриша, но официально решили не выносить сор из избы. Пусть так и будет.

– Ты хоть до аптеки добежала? Не забыла девчонкам сказать, о чём договаривались? – напомнил я главную причину её отсутствия на работе.

– Конечно, добежала! Там и услышала новости, – как само собой разумеющееся сообщила Нинка.

В голову пришла идея. Идиотская. Манящая. Прямо как у героев романа «Двенадцать стульев». Только здесь не стул, а шкаф. Шкаф, в котором Городец хранит свои сокровища. Если вдова надумает уехать из города, мебель могут начать продавать, и кто-то станет владельцем целого состояния, так и не узнав об этом.

Судя по тому, что Глаша, имея полный доступ к шкафу, зная, что именно там, за задней стенкой, находится тайник, не смогла его открыть, не всё так просто. Не каждый справится, тем более, не имея понятия о том, что нужно что-то искать. И я пока не справлюсь, но вот получить этот самый шкаф очень даже хочется. Вопрос в помощниках!

Как сказать Нинке, что мне очень хочется купить именно этот шкаф? Куда я его поставлю? В свои двенадцать метров? Зачем нам два шкафа? Без весомых доводов вся затея

не имеет смысла! Мысль в духе Остапа Бендера витает в голове, но она настолько дикая, что дети капитана Шмидта нервно курят в сторонке.

И второй момент вертится в голове – квартира Гриши. Это уже не шкаф, тут нужно брать всю квартиру разом, чтобы не потерять тайник под полом. Лёха, а ты хотя бы представляешь масштаб задачи? Кто тебе позволит занять именно эту квартиру? Почему ты решил, что можешь на неё претендовать? Да, в связи со смертью ответственного квартиросъёмщика квартира уходит в свободный фонд и её получит первый, стоящий в очередь на улучшение жилищного положения. А наше заявление ещё даже не принято! Оно по-прежнему на руках у Светланы, так что тебя даже в претендентах нет.

Такое ощущение, что стулья стремительно разбегаются после аукциона, а денег, точнее, возможностей их получить в собственность нет совершенно. Взятки? Очень плохой вариант! Нет, я не святоша, но и мараться не хочется. Хотя, учитывая, что других вариантов нет, как ещё получить желаемое?

Жаба рвёт на части, требуя совершить невозможное, но заполучить оба клада в свои руки. Лучше я, чем случайный счастливчик. Я найду им достойное применение. Подвиг Юрия Деточкина не даёт мне покоя! Эти деньги некому возвращать, кроме как народу, у которого они украдены. Но народ – очень размытое понятие! Где гарантия, что кто-то, обнаружив эти деньги, направит их на благое дело? Нет такой гарантии, от слова совсем!

И тогда остро встаёт вопрос – насколько я могу доверять Нинке? Готова ли она после таких событий безропотно исполнять мои просьбы? Не уверен на все сто, но трудно не связать отправку анонимки и убийство Городца. Это прямо так и просится, как вполне резонный вывод. Но при этом смущает состав погибших «героев».

Представим себе последовательность событий, какой она может выстроиться в голове Нинки. Мы пишем анонимку на Городца, указывая, где хранятся его деньги. Кстати, Нинка в курсе, что именно находится в этом шкафу. Анонимка попадает в руки начальника ГУВД. Он вызывает к себе председателя горисполкома и первого секретаря горкома партии, что вполне логично – первые лица города просто обязаны обсудить и выработать своё отношение к написанному.

Затем события приобретают какой-то явно криминальный характер. Кто-то нападает на них и уничтожает всех, не разбирая ни должностей, ни званий. Сумасшедший? Народный мститель? Вражеский агент? И при чём тут анонимка? Если это вражеский агент, то анонимка вообще побоку! В бумагах полковника её нет, она сожжена, о её существовании знаем я и Нинка. Так что тема вражеского агента, совершившего покушение на первых лиц города, вполне адекватная.

– Думаю, это точно не китайцы и не бандиты, – совершенно серьёзно заявил я. – Убиты первые лица города, это – покушение на советскую власть, тут, скорее всего, враги поработали! Диверсант! Очень надеюсь, что и его в той перестрелке прихлопнули!

– Думаешь? – смотрит на меня с недоверием, но чувствуется, подобная версия не бродит по городу, с такой информацией вполне можно стать королевой слухов.

Плохо это или хорошо? Нужно ли распускать такие слухи? Всенепременно! Это, как при тушении лесных пожаров – встречный пал. Нужно направить мысли следствия по иному руслу, которое их устроит гораздо больше, чем бандитские разборки, учитывая неоднозначность вопроса с деньгами в портфеле Гриши. Вот он у нас и станет тем самым глубоко внедрённым сотрудником западных спецслужб. Проблема, как это простыми словами донести до Нинки, чтобы не сболтнуть ничего лишнего?

– И кто теперь на место председателя горисполкома? – как бы невзначай интересуюсь я, вырывая Нинку из мыслительного процесса рождения новых грандиозных слухов. – Есть ведь у него заместитель?

– Нет. В смысле был, но теперь нет. Его там же убили, – мимоходом, погружённая в картины скорого вознесения на вершину значимости, сообщает Нинка.

– Как думаешь, примут теперь наше заявление о расширении жилплощади? – продолжаю выстраивать мостики к следующим более веским вопросам.

– А? Не знаю. Им сейчас будет не до приказов покойного. Примут, наверное, – слишком легко делает вывод она.

– Надо, чтобы не просто приняли заявление, а выделили вполне конкретную квартиру, – вкидываю пробный шар.

– Квартиру? Конкретную? Как ты себе это представляешь, Лёша? Там ведь комиссия! Они посмотрят на ваши бумаги, поставят в очередь, а уж потом, лет через десять, что-то и дадут, если будет что давать.

– Нина, это я понимаю, но есть ведь и особый порядок рассмотрения, – делаю прозрачный намёк. – Помнишь, как быстро получили разрешение на усыновление? А там ведь тоже не всё так просто и ждать нужно было, и комиссии разные, и заседания с совещаниями, и должны были оценить усыновителя и условия, в которые попадёт усыновляемый. А тут бац и бумаги в кармане! Одним днём! Особый порядок рассмотрения, Нина!

Не, ну, куда уже прозрачнее намекать? Должна сообразить, не маленькая уже, что многие вопросы решаются гораздо быстрее, если их сопроводить «барашком» в конверте. Но не грубо, не в людном месте и с достаточно явно выраженным уважением, вплоть до подбострания. Не любят мздоимцы, когда их презирают! Им хочется уважения, преклонения перед их властью и возможностями, они и за взятку не считают деньги, полученные за содействие в решении вопроса, а обычной благодарностью.

– Особый? Кхм, – сглотнула она от неожиданности. – За те бумаги ты отдал аж...

– Нина, давай не будем называть суммы, – остановил я её. – И у стен есть уши! Да, отдал, у каждого вопроса есть своя цена, тут главное – не ошибиться в сумме, чтобы не обидеть человека.

– Так это ж непонятно теперь, какого человека? – вздохнула она. – Уверен, что у тебя хватит денег для такого?

– У тебя займу, – ухмыльнулся я. – В счёт будущих доходов!

– Лёша, каких доходов? Мы же лавочку прикрываем! Забыл? – снова вздохнула Нинка.

– Нина, сколько у меня сейчас накопилось на книжках?

– Ну, я тут недавно подсчитывала, – невольно облизнув губы, будто речь шла о мёде, медленно ответила Нинка, – у тебя там выходит около шести тысяч.

– Вот видишь, денег должно хватить, – приободрил я напарницу. – Но нам ещё нужно будет купить шкаф!

– Какой шкаф? – не сразу осознала она. – Лёша, совсем сдурел? Кто тебе продаст ЭТОТ шкаф? И почему ты решил, что его будут продавать?

– Нина, а чем этот шкаф отличается от всех прочих? – подмигнул я девушке. – О его тайнах знали трое – сам хозяин, я и ты. Для всех остальных – это обычный шкаф! Понимаешь?

Она кивнула, закусив губу. Понимаю, что у неё сейчас вертится в голове – миллион рублей новыми деньгами! Когда речь шла о чужих деньгах, они были не более, чем цифрами на бумаге, пустым звуком, богатством, к которому не суждено прикоснуться. Но сейчас, услышав моё предложение, она ощутила весомость суммы, перспективы, открывающиеся перед ней лично, получи она этот шкаф в своё полное распоряжение.

Какой Лёша? Зачем нам Лёша? Если я совершенно точно знаю, какой именно шкаф мне нужен и где в нём спрятаны деньги, могу и сама справиться без помощи какого-то там Лёши! Нужно просто найти эту квартиру, выяснив, где живёт Городец через Глашу, предложить хозяйке продать ей шкаф и всё – можно увольняться из яслей, уезжать в тёплые края и жить в своё удовольствие!

– Ау, Нина, я здесь, – напомнил о своём существовании девушке, окунувшейся с головой в бриллиантовые грёзы. – Никто тебе этот шкаф просто так не продаст! И очень не советую сбрасывать меня с хвоста!

– С какого хвоста? Ты о чём? – сделала вид, что не поняла моих слов Нинка.

– Того самого хвоста, Нина, – жёстко, насколько это возможно в устах младенца, ответил я. – Или мы вместе в любых вопросах, или разбегаемся и дальше каждый сам по себе, – предложил я на выбор варианты. – Если разбегаемся, мои сберкнижки положишь в конверт и отправишь заказным письмом матери.

– Лёша, ну, ты чего, в самом деле? – деланно возмутилась Нинка. – Не собираюсь я тебя ни с какого хвоста скидывать!

– Ты пойми, Нина, я ведь могу намного больше, чем просто крема заряжать, – намекнул на свои сверхспособности, чтобы немного припугнуть. – Со мной лучше дружить, чем ссориться, – дружелюбно оскалился я во все четыре зуба.

Намекнуть ей, что Городец пострадал из-за собственной жадности и я в этом принял непосредственное участие? Для того чтобы напугать насмерть и привязать прочно намёк отличный! Будет бояться и делать всё, что скажу, как бы абсурдно это не выглядело. Жизнь одна, и её нужно прожить до конца, а не отдать в угоду какой-то там гордости или чувству долга. Но привязка страхом всегда чревата срывом, не может человек жить в постоянном напряжении, зная, что за ним приглядывают и прихлопнут при первом намёке на возможное предательство.

Опять же, сейчас, надеюсь, о моём участии в этой кровавой бойне не знает никто. Цепочка событий разорвана. Связать меня с кем-то из участников перестрелки не то что проблематично, совершенно невозможно. Косвенно Елена Сергеевна может упомянуть следователю, если он решит её допросить, что некая Светлана Бардина навела порчу на её Петеньку. Но не думаю, что следователь такие показания внесёт в протокол, потому что тогда придётся отправить жену Городца на психиатрическую экспертизу.

Точно так же косвенно дежурный ГУВД может рассказать о женщине, которую привели к начальнику. Но что именно он о ней может сказать? Молодая, среднего роста, в шапке и пальто – под такое описание полгорода подходит, пойдя найди тут ножичек. Ребёнок. И что? О нём вообще никаких данных. Нет, никто даже искать не будет, учитывая, что на дворе 60-е, а не двухтысячные – камер нигде нет, получить фото подозреваемых неоткуда.

Очень надеюсь, что мои действия по зачистке воспоминаний мамы и историка помешают им неожиданно вспомнить неприятные события этого утра. Прочитав или услышав новости, они никак не соотнесут их с собой, не побегут исполнять гражданский долг, докладывая следователю о своей причастности к тем самым событиям.

Думаю, Нинка не дура, не будет никому рассказывать, кто и какую анонимку отправил в ГУВД. Если следователь свяжет информацию в этом письме с последующими событиями, быть ей первой подозреваемой, потому что психбольница ей в помощь, заяви она, что это восьмимесячный ребёнок подвигнул её на написание и отправку доноса.

Она не знает, что анонимка сгорела, и я не буду до поры поднимать этот вопрос. Пусть опасается. Не боится, не трясётся от страха, прячась по ночам под одеялом, а именно опасается, что кто-то как-то свяжет анонимку с её участием. Сколько бы ты ни доверял партнёру, но на всякий случай имей под рукой компромат, рычаг давления.

– Лёша, хватить уже запугивать, – рассердилась Нинка. – Мы вместе и точка, – решительно заявила она.

– Хорошо. Я тебя услышал, Нина, – говорю, не отводя от неё взгляда. – Всё, что мы с тобой будем делать дальше, будет известно только мне и тебе. Катю в это не посвящаешь. Хватить с неё кремов.

Кивнула. Смотрит внимательно. Не перебивает. Чувствует, начался новый этап в жизни, где всё иначе, всё гораздо серьёзнее и опаснее, даже в сравнении с уголовниками. Женщины не

всегда могут сказать, почему они знают то или другое, но то, что чувствуют опасность каким-то диким чутьём, известный факт. Вот и сейчас я не угрожаю, не давя авторитетом, не привожу факты собственного могущества, но она чувствует, теперь всё будет иначе. Тем более, что на кону миллион рублей. Новыми.

– Премию девчонкам успела выплатить?

– Да. Вчера ещё. Все довольны, а то уже скисли, что теперь с тебя денег больше не поймешь, – усмехнулась она. – Но праздновать не будем!

– Это ещё почему? – удивился я.

– Знакомая сказала, им позвонили из горкома, что любое празднование после того, что случилось в милиции, будет рассматриваться, как провокация, – пояснила она.

– Ага. Правильно. Не будем рисковать, – согласился я.

Помню, в студенческие годы у нас выгнали из комсомола и института нескольких студентов, устроивших празднование дня рождения в общежитии в день траура по Леониду Ильичу. Никто не понял причины их бурного веселья в столь скорбный для страны момент. Так что руководство города, новое руководство, можно понять – не тот сейчас момент, чтобы шумно отмечать международный женский день. Тишком-молчком, без смеха и веселья – выпили, закусили и разошлись. И ничего, что похоже на поминки, потому что для этого как раз повод есть.

– Мне сейчас что делать? – деловито поинтересовалась Нинка.

– Ничего. Пока идёт следствие, пока назначают новых людей на посты, не суемтся, не отсвечиваем, только собираем информацию. Через Глашу выясни адрес квартиры Городца. Только осторожно, чтобы она не начала спрашивать, зачем тебе это нужно.

– Скажу, что тоже хотела бы в горничные пойти. Попрошу узнать, может, у них кто из соседей ищет. Заодно и узнаю, где дом, а там уже посмотрю, в какую квартиру Глаша ходит.

– Ну, в целом нормальный план, – похвалил я. – Главное – не дави, не торопи! Сегодня один вопрос, завтра другой, потом в разговоре между прочим уточни, что тебя интересует. Поболтай, что делать нужно горничной, сколько платят, как хозяйка относится? Не пристаёт ли хозяйин?

– В смысле? И такое может быть? – не поверила Нинка.

– Нина, ну, ты прям, как дитя малое, – ухмыльнулся я. – Ты девушка молодая, красивая, прямо кровь с молоком, а тут мужик дома один, потому что хозяйка куда-то умотала, а дети в садике или школе. Какие у него идеи в голове появятся? Угадай с одного раза!

– Ну, я бы ему сразу дала от ворот поворот, – решительно заявила Нинка. – Он бы у меня ещё и по морде схлопотал за такие предложения! И жене бы его рассказала, чтобы она ему высказала всё, что думает!

– Ага. Или просто дала, особенно если и мужик не сильно противный, и денежку дополнительно подкинет за удовольствие, – смутил я её, заставив покраснеть до корней волос. – Ты ведь не собираешься уходить в горничные? Ну, тогда относись к этому вопросу спокойнее, с шуткой, со смехом, – посоветовал я с видом ловеласа со стажем.

– Вот слушаю тебя, Лёшка, и будто с батей своим разговариваю, – вздохнула Нинка. – Закрываю глаза и слышу его голос, такой уверенный, рассудительный. Всё он на свете знает, обо всём у него своё мнение. Мне, когда он на фронт ушёл, всего одиннадцать было, но помню его крепко. Деда хуже, он не с нами жил, редко встречались, а отца не могу забыть, – грустно вздохнула она. – Ты мне скажи, откуда в тебе всё это?

– Ну, я же тебе сказал, засланец...

– Лёш, ну, чего ты опять за своё? Я же серьёзно спрашиваю! – скривилась Нинка.

М-да, проект «Звёздный странник» можно закрывать ввиду неправдоподобия. Не проник ещё космос в сознание масс, живут они более приземлёнными темами. Инопланетяне, полёты к звёздам, покорение далёких планет на хлеб не намажешь, а кушать хочется каждый

день. Первый камешек стронет лавину ажиотажа сразу после полёта Юрия Гагарина, вот тогда моя байка заиграла бы новыми красками, но сейчас...

– Извини. Военная тайна. Совершенно секретный проект. Не имею права разглашать информацию, – на полном серьёзе предложил ей более жизненный вариант моей необычности.

– Ну-у-у, тогда понятно, – задумчиво протянула, глядя совершенно иным взглядом. – А то, что ты сейчас делаешь, это тоже входит в проект?

– Нина, я же сказал – совершенно секретно. Я в автономном плавании, выживу, значит, проект удался, – пояснил я. – Обнаруживать себя, запрашивать помощи, раскрывать кому бы то ни было, с кем связан проект, не имею права. Но выжить должен любым способом. Такая вот задача, Нина!

– А мне тогда зачем рассказал? – резонно спрашивает девушка, помня, что бывает с людьми, даже случайно прикоснувшимися к государственным секретам.

– Понимаешь, без твоей помощи мне не выжить. Это осознанное решение. Ты прошла проверку...

– Уголовники? – предположила она.

– Да. Жёстко, но так надо было. Я стал больше тебе доверять. Так что теперь ты – мой агент, – поздравил я девушку с повышением в звании. – Ещё вопросы?

– Ладно, не буду лезть не в своё дело, – приняла она решение, меньше знаешь, целее будешь. – Ещё задания будут, товарищ командир? – шутливо спросила она.

Не испугалась, не попыталась сдать назад, сделав вид, что всё сказанное было не более, чем шутка. Дети войны. Недоверчивые, но, если поверят, пойдут с тобой до конца. Это не тридцати, а то и сорокалетние «детки» из сытых двухтысячных, так и не оторвавшиеся от мамкиной титки, неспособные на самостоятельные решения.

– Нет. Пока и этого за глаза. Пусть страсти немного утихнут. Будем суетиться, на нас обратят внимание, а нам это не нужно!

Отправил бойца работать, выдохнул. Неплохая легенда, если задуматься. Хорошо вписывается в это время. Никто не полезет проверять, если и просочатся слухи, потому что чревато. Устранить могут, если решат, что это принесёт меньше проблем, чем моё существование, но будем надеяться, слухи не разползутся раньше времени.

Тут даже всемогущее КГБ не сразу сможет принять решение, что со мной делать, получить такую информацию от Нинки. Проект-то совершенно секретный! Знают о нём только те, у кого есть доступ соответствующего уровня. Начнут вопросы задавать по инстанциям, а вдруг само знание о том, что такой проект существует, является билетом в один конец?

Ну его к чёрту этого странного мальчика! По улицам не бегает, умы народу не смущает, в отчётности не мелькает. Кому надо, тот пусть о нём и думает, а у нас есть дела поважнее!

И это правильно! Мне бы ночь простоять, да лет двадцать продержаться, а там... А там видно будет, что удастся с этой страной сделать!

Откровения младенца

Вторник, 07.03.1961, вечер, квартира Бардиных

Забрали меня из яслей на удивление рано. То ли настроение у всех предпраздничное, то ли наоборот – от греха подальше отправили учителей и детей по домам. Кто его знает, что может последовать за этим откровенным террористическим актом, хотя и самого термина пока в обороте нет. Люди, находясь в тесном общении, способны настолько трансформировать противоречивые слухи, что в городе может подняться паника. Поэтому по домам, товарищи, по кухням и спальням!

– Даже не знаю, звать завтра гостей или нет? – советовалась с нами мама, занимаясь штопкой. – В школе сказали, чтобы никаких шумных празднований не было. Но мы ведь и не собирались шуметь?

Интересно, с кем она разговаривает? Я слишком мал, чтобы давать советы или просто разговаривать, Машка увлечена своей куклой настолько, что не слышит маму. Скорее всего, Светлане, как и любой женщине, нужно проговорить мысли, прежде чем принять какое-то решение. Лучше всего с кем-то, кого она считает авторитетом, в крайнем случае подойдет любой, даже неразумный собеседник, к примеру, кот! Но животных у нас нет, поэтому их место в разговорах мамы занимаем мы с сестрёночкой.

Странно, что вопрос телевизора повис в воздухе. Деньги есть, а в магазин никто не бежит. Сестрёнка, понятное дело, вся в своей Кристине – нужно её одеть, обуть, прогулять, сказку рассказать, обсудить всё на свете. Тем более что Кристина – идеальный собеседник, то есть не перебивает, слушает внимательно, со всем соглашается и всегда на твоей стороне.

– Хотела у Иннокентия Петровича спросить в школе, да он куда-то пропал, – посетовала мама.

Пропал? Не связано ли это со вчерашними событиями? Лечил одно, а вылезло другое? Или рано волноваться?

– А кого ещё позвать? Не Олега же, – грустно усмехнулась она.

Понятное дело, красавчик-принц оказался похотливым козлом, а так хотелось любви, большой и светлой. Но где её взять в маленьком провинциальном городке, в котором каждый свободный мужчина на вес золота? Иннокентий Петрович не в счёт, это просто хороший друг. Друг семьи, не претендующий ни на что большее.

Нужно бы Светлане как-то заняться личной жизнью, на танцы в клуб начать ходить, что ли, но с кем ей оставить нас? Так-то мы могли бы и самостоятельно посидеть, дел много, есть чем позаниматься, но как об этом сказать Светлане? Продемонстрировать, как я читаю Машке книгу и объясняю сложные термины на уровне эксперта? Ага. Отличное решение, чтобы Светлана схлопотала культурный шок и задалась вопросом – кого же ей судьба подкинула на пороге той самой больницы?

Опять же, я Машку кашей не накормлю, а сама она поест не удосужится, потому что игра – это всё, а еда ничто, пустая трата времени! Да и про горшок в применении ко мне пока речи не шло, всё сама, всё руками. Как бы нам осторожно выйти на более высокий уровень коммуникаций?

– А может, просто посидим сами? Ну, кто нам нужен? Куплю торт, попью чаю, книжку прочитаю, – мечтает мама. – Тихо, спокойно, по-семейному!

Нет уж, ищи компанию, мама, а то от такой семейной идиллии сама в первую очередь от тоски сдохнешь, потому что для себя не одеваются по-праздничному, не наряжаются, не готовятся морально и материально. Посидеть с тортиком мы в любой день можем, а вот Восьмого марта нужен праздник!

– Плазник... гости... – пробую испытанную в яслях тактику.

Справедливости ради могу ведь я говорить что-то больше, чем заурядное «мама», учитывая, что папой мне назвать, собственно говоря, некого. Говорить плохо, строго в соответствии с моими небольшими возможностями. Точнее, с ожидаемыми в таком возрасте возможностями. Смушает, правда, факт сознательного восприятия сложного суждения и формирование собственного решения, что младенцам не свойственно. Получается, я не просто произнёс бессмысленный набор услышанных ранее слов, а слушал, что говорила мама, осознавал это, принимал решение и высказался точно в тему. Младенец? Высказал мнение? Но мама, похоже, этого не замечает, радуясь, что хоть с кем-то можно обсудить жгучую проблему.

– Думаешь? – не обращая внимания на тонкости момента, радостно откликается Светлана на предложение. – Попробую завтра позвать Иннокентия Петровича, – вдохновляется она. – Тогда тортика будет маловато, – туман в глазах, лихорадочно думает, что бы такого приготовить из того, что есть в наличии.

– Фрося... магазин... Петька... – подсказываю я направление мыслей.

Если у тебя есть свои люди в торговле, нужно пользоваться их услугами, укреплять связи, потому что в СССР все равны, но некоторые равнее прочих, потому что имеют прямой доступ к дефициту. Можно, свято следуя кодексу строителя коммунизма, затянуть пояса в ожидании, когда его построят, но гораздо удобнее жить здесь и сейчас, ни в чём себе не отказывая. Тем более что недостатка в деньгах не испытываем, можем и немножко дороже заплатить, было бы что брать.

– Ой, точно! Я ведь говорила с классной о её Петьке, а потом забыла совсем, – повинилась она. – Вот ведь память дырявая! Так-то Петька – хороший мальчик, только энергии в нём через край, некуда её выплеснуть, вот и влипает во всякие истории. Мог бы и лучше учиться, но любит спорить с учителями, доказывает своё мнение, будто от этого судьба страны зависит. А кому такое понравится? А нам не будет скучно с Иннокентием Петровичем? – тотчас начала сомневаться Светлана, представив, как они вдвоём пьют чай за празднично накрытым столом.

Машу и меня в такой ситуации в расчёт не берут, маленькие ещё, ни поговорить, ни выпить, ни подражаться. А это ведь праздник, хочется поболтать о своём, о женском, но с кем? Со старым учителем? И получится не праздник, а маленькое рабочее совещание о проблемах педагогики! Тут нужна свежая молодая кровь, чтобы и себя почувствовать живой и радостной, а не разрывающейся между домом и работой серой мышкой. Мужиков знакомых у меня нет, а вот...

– Ясли... няня... Нина... хорошая... пригласи... – даю следующую подсказку.

Что-то мне подсказывает, пора укреплять связь между моими женщинами, квартира сама себя не получит, нужно помаленьку приучать Светлану к тому, что придётся побегать по инстанциям, постучать кулачком по чиновничьим столам. Нет, никаких взяток, этим будет заниматься Нинка, но чиновник должен знать в лицо человека, которому будет оформлять протекцию.

– Нина? Я её и не знаю совсем, – удивилась мама. – Думаешь, стоит пригласить? Неудобно как-то, – пожала плечами она. – Незнакомого человека и сразу на праздник зову?

– Нина... хорошая... – настаиваю я.

Вот не нужно думать, нужно делать! У нас в семье есть кому думать! Мужчина сказал, женщина покорно исполнила его волю, откинув сомнения, радуясь, что у неё есть, с кем посоветоваться! А то начнёт переливать из пустого в порожнее, придумывая то, чего и быть то не может вовсе.

– Ну, как скажешь, тебе виднее, – не стала упираться Светлана. – Лёша, а что это ты сегодня разболтался? – неожиданно спохватилась она. – Когда это ты научился говорить? Почему я ничего не знаю?

Кхм, думал, не заметит, не обратит внимания, списав мою разыгравшуюся болтливость на случайность, забыв о ней тотчас же, кинувшись в омут подготовки к празднику с головой.

Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу, а ведь в каждом учреждении на видном месте висит плакат с изображением серьёзной тетки и надписью «Не болтай!»

– Нина... учить... – на голубом глазу заявляю я, надеясь спрыгнуть с опасной темы.

Не забыть предупредить Нинку, что она у меня главная учительница, а то сделает круглые глаза и начнёт отпираться, действуя по старой схеме, в которой моя болтливость есть тайна превеликая.

– Тогда точно приглашу, – укрепляется в своём мнении мама. – Интересно, как это у неё получается? Она всех учит или только тебя?

– Нина... меня...

Машка делает вид, что её это вовсе не касается, хотя её так и распирает от желания поделиться нашей страшной тайной. Она прямо извертелась на месте, забыв про куклу. Не удержится ведь, ни разу не разведчик, к тому же девочка. Ох, Машка, как же тебя остановить?

– Маша... книжка... читать... нет... – предупреждаю сестрёнку от непоправимого поступка.

Вздыхнула, отвернулась, начала что-то выговаривать Кристине почти шёпотом. Не удивлюсь, если рассказывает ей обо мне всякие гадости. Вот пусть кукле выговаривает всё то, что хотела матери разболтать, от Кристины не убудет, а сестричка пар выпустит.

– Не будем мучить Машу, сама вам книжку почитаю, – понимает по-своему мой шифр Светлана. – Маша, где книжка?

Словно ураган пронёсся по комнате, кукла забыта, игрушки оставлены на полу, а сестрёнка уже сидит на диване, который купили на замену скрипучей раскладушке. Мы снова погружаемся в мир корсаров, парусных кораблей, прекрасных дам и эпических битв. Хотелось, чтобы так продолжалось вечно, но не судьба. В дверь постучали.

– Макар Степанович? – неподдельно удивилась Светлана позднему визиту участкового. – Что-то случилось?

– Доброго вечерочка, Светлана Игоревна, – замялся на пороге милиционер. – Ничего особого, обхожу территорию, мимо проходил, решил заскочить, с праздником наступающим поздравить, – как по писанному тарабанил он, утирая пот с внезапно вспотевшего лба.

А глазками по комнате зыркает, что-то высматривает одному ему известное, и нет в голосе той самой предпраздничной радости, зато полно озабоченности и настороженности, будто по тонкому льду пытается пройти или по минному полю.

– Да вы проходите, Макар Степанович, – отошла в сторонку мама. – Чего в коридоре разговоры разговаривать? Чаю?

– Не откажусь, – тотчас согласился участковый, никак не решаясь задать Светлане какой-то мучающий его, как гвоздь в сапоге, вопрос.

Совершенно не случайно он тут оказался. Послали его. По приметам выяснили или просто вызвали участковых и устроили им допрос на тему, каких мамаш знаете на своём участке с малым дитём ясельного возраста. Потом и приметы женщины добавили, тут Макар Степанович и вспомнил, кто это мог быть. И отказаться не мог, не мог сделать вид, что не знает никого, подходящего под описание, потому что честный человек и служака.

И нужно ему кровь из носу узнать, что Светлана делала в кабинете начальника управления как раз перед тем, как там началась бойня. Вроде как всё просто – спроси и узнаешь. Вот только так может случиться, что та не ответит или начнёт врать и путаться и как тогда? Причастна к убийству, но признаваться в этом не хочет? Но это ведь та самая Светланка, хорошая женщина, к которой участковый относится со всем уважением, зная и её, и родителей уже покойных. Ну, не может она быть причастной к такому злодейству, никак не может, а приказ требует – опросить и доложить по всей форме, отбросив в сторону личное.

С другой стороны, свидетели видели, что женщину с ребёнком сопровождали до выхода, не вывели в наручники, не вытолкали взащей, не потребовали не выезжать из города, а очень

уважительно сопровождали. А уж потом через какое-то время, когда сержант вернулся в кабинет полковника, там всё и закрутилось. Вот и маялся Макар Степанович, никак не решается начать разговор. Хороший он человек, но служивый, поэтому будет тянуть службу, не взирая на отношение к Светлане.

– Макар Степанович, вы прямо сам не свой, – обратила внимание на состояние милиционера Светлана. – На работе какие-то проблемы?

– Ага. На работе, – вздохнул он.

Налил заварки из чайничка, плеснул кипятка, отхлебнул и поморщился – поторопился, чайник только с плиты.

– Сушками вот угощайтесь, – предложила мама, чтобы разогнать вязкую тишину.

– Светланка... в смысле, Светлана Игоревна, тут такое дело, кхм, – откашлялся он. – Дежурный утверждает, ты сегодня утром была в нашем управлении, – решился он, наконец, начать разговор. – Говорят, к самому наяльнику в кабинет заходила, – осторожно разворачивает он тему. – А чего ради? Дела какие-то были важные?

– Да, была, – спокойно подтвердила Светлана. – Всё как-то странно получилось. Мы вышли из дома, а нас чуть ли не силой потащили в это самое управление, – морщась, вспоминала мама. – Два мордоворота накинудись, ничего не объяснили, потащили как преступников каких-то, – пожаловалась она.

Морщится, потому что реальные воспоминания прижаты наложенным сверху внушением, но вылезают, как иголки из подушечки, пытаются проявиться и бессильно отступают, уткнувшись в непреступный барьер. Почему-то видел эту картинку, как живую, хотя никакого видения и в помине не было – дар исчез вчистую. Я просто это знал, будто видел подобное уже не в первый раз.

– Что, вот так всех вместе и потащили? – не поверил участковый.

– Не-е-е-т, Машу в садик забросили, – напрягается мама, пытаясь понять, почему она не помнит присутствия дочки в управлении, хотя, по её же словам, их сразу потащили в управление.

– А вот ты говоришь, силой потащили, – уточнил Макар Степанович, – прямо за руки схватили и потащили? А Лёшку куда дели? Коляску за собой потянули?

Не было возле управы коляски, поэтому вопрос на засыпку. Коляски не было, а ребёнок был. Как он там оказался?

– А, вспомнила, один из них Лёшку на руки взял, – вспомнила мама. – Сказал, отдаст его в ясли сам! Я ещё подумала, странно как-то, но они меня не спрашивали. А что мне нужно было делать, Макар Степанович? Кричать? Вырываться? Они в форме, с пистолетами, – развела руками мама. – Подумала, советский милиционер ребёнка не обидит!

Ох ты ж святая наивность! Если бы я его не стреножил, очень бы даже обидел. На всю жизнь! И меня, и Машку! И тебя, мама, заодно – оприходовали бы в ближайшем кабинете, а потом бы и в лесочке прикопали, снежком закидали или под лёд спустили, чтобы никто сразу не нашёл.

– Ага. Ну, да, – согласился участковый. – А чего они хотели от тебя? Зачем тащили с утра пораньше в управление, да ещё и в кабинет начальника?

– Если честно, не поняла, что за срочность была, – пожала плечами Светлана. – Могли бы просто в школу позвонить, им бы всё объяснили. И непонятно, кому это было нужно, они там уже пьяные с утра были все, – вид у Светланы был возмущённый. – Спросили, что нужно иметь ребёнку при поступлении в первый класс? Нажрались и приказали притащить им учительницу, чтобы дурацкий вопрос задать! Представляете?

– Не очень, – честно признался участковый. – Вспомни, когда они утром вас встретили, как они к тебе обращались? Наверное, спросили, учительница? А потом потащили с собой?

– Нет. Назвали моё имя, отчество и фамилию, а уж потом заявили, что я должна пройти с ними! Это что-то меняет?

– Просто уточнил, не обращай внимания, Светланка! Задали они тебе вопрос и что ты ответила?

– А что там отвечать, Макар Степанович? Форму, портфель, Азбуку, тетради в клеточку и косую линейку, прописи, ручку, чернильницу и вторую обувь. И вот ради этого нужно было тащить меня силой в управление?

– Странное дело. А потом? Ну, ты ответила на их вопрос, а что потом? Как они себя вели при этом? Молчали, задавали вопросы, ругали тебя, ругались между собой?

– Да, обычно как-то, – попыталась вспомнить мама. – Не сказать, что им это и нужно было, – родилась в сознании мамы фантомная картинка. – Извинились ипустили. Попросили сержанта проводить нас с Лёшей на выход.

– А Лёшка как там оказался, если его в ясли собирались отдать? – как гончая, взявшая след, не отпускал тему старый милиционер.

– Лёшка? Так его тот самый милиционер и принёс, сказал, что у него не взяли ребёнка. Я ещё удивилась, как это они могли не взять моего ребёнка? Они его так любят, а тут не взяли! Но там некогда думать было, они сразу меня выпроводили, чтобы их пьянке не мешала. Я сама Лёшку в ясли отдала, да на работу побежала – ещё и на педсовет опоздала!

– Странно всё как-то, – почесал в затылке участковый, совершенно забыв про остывший чай. – Не сходится картинка.

– Какая картинка? – поинтересовалась Светлана.

– Да это я так, о своём, – не стал пояснять милиционер. – Так я это, пойду, время позднее, тебе уже детей спать укладывать, а я тут в гости напросился, – добродушно, но не очень достоверно, улыбнулся Макар Степанович. – Ты, Светланка, если что вспомнишь, за что глаз зацепился, сразу найди меня! Ночь–полночь, без разницы! Обязательно найди, дело уж больно важное, – покачав пальцем, пояснил он.

– А что случилось-то, Макар Степанович? – так и не поняв причину интереса участкового к нашим утренним приключениям, спросила Светлана.

– Да об этом уже весь город гудит, – недоверчиво посмотрел милиционер на маму. – Неужто не знаешь?

– Знаете, в классе никто ничего не гудит, у нас уроки идут, – строго, будто ученикам в классе, заявила мама. – Сказали, в учительской чтобы завтра особо не праздновали и не веселились шумно, а почему, никто объяснить не пожелал!

– Так это, как ты ушла из управления, у них там перестрелка началась и всех там же и положили, – не став скрывать очевидное, сообщил Макар Степанович. – И никто понять не может, что там у них такое произошло? Вот пытался у тебя узнать, вдруг, что видела, слышала, – пояснил он, пристально вглядываясь в лицо Светланы, получившей такое неприятное сообщение.

– Ужас какой, – отпрянула она, прикрыв рот ладошкой. – А если бы мы не успели уйти? Ой, мама дорогая, – всхлипнула она, представив картинку, в которой мы с ней лежим среди прочих на полу в том кабинете в луже крови.

– Ну, считай, повезло тебе, Светланка! Очень повезло, что вовремя ушла, а нам вот теперь бегать по всему городу, как ужаленным, чтобы понять, что там на самом деле произошло, – вздохнул участковый. – Ладно, извини за беспокойство и поздний визит! Спокойной ночи, Маша, – помахал он ей рукой.

– А эти дяденьки больше не будут убивать деда Кешу? – вместо прощания спросила Маша. – И я не хочу, чтобы нас отдавали в детский дом, там плохо!

– Маша, что ты такое говоришь? – опешила Светлана. – Никто никого не убивал! Что ты такое придумала?

– Ага, я сама видела, как его ударили, и он упал прямо в снег. И не встал, когда тот противный дядька нас потащил отдавать в детский дом, – не сдавалась Машка.

Вот же засада, всем память подчистил, а про сеструху забыл напрочь, потому что мелкая, могла не обратить внимания на произошедшее, забыть в детсадовских заботах о том, что произошло утром. Но нет, не забыла, переживала, спрятав страх глубоко в душе, не зная, с кем поделиться, потому что мама была на удивление спокойна. А тут выстрелило в самый неподходящий момент, поставив под угрозу раскрытия весь мой гениальный план.

– Маша, Иннокентий Петрович жив и здоров, – твёрдо заявила мама. – По крайней мере утром, когда мы с ним расстались, так было совершенно точно! Потом я его видела... нет, он почему-то не пришёл на педсовет, – вспомнила она.

– А кто это? Ну, Иннокентий Петрович, – снова взбодрился участковый.

– Учитель. Учитель истории в нашей школе, – задумчиво пояснила мама. – Нужно зайти к нему домой, узнать, вдруг с ним действительно что-то случилось?

– А где он живёт? Тебе, Светлана, сейчас точно никуда бежать не нужно – ночь на дворе, а у меня рабочий день безразмерный! Заскочу, проведу твоего учителя, узнаю, как у него здоровье, – пообещал он. – Так какой у него адрес, говоришь?

– Пролетарская, дом восемь, квартира шесть, – автоматом сообщила мама, поглядывая то на нас, то на участкового.

Нет, мама, ты должна быть при детях, а Макар Степанович пусть бежит, пока Машка ещё что-нибудь не отчебучила. Пусть себе идёт подобру-поздорову, а нам действительно спать пора. Вот лично мне не помешает забыться здоровым сном часиков на десять-двенадцать, чтобы хоть на время выпасть из хоровода мыслей о кровавой бойне. Иди уже, Макар Степанович, есть у тебя дело, бежать тебе нужно, пока Машка ещё чего-нибудь не ляпнула ни к селу, ни к городу!

– Если бы не Лёшка, тот плохой дядька нас бы точно в детский дом сдал, – неожиданно добавила сестрёнка дровишек под мой котёл. – Лёшка ему приказал и тот меня отпустил, я в садик пошла, а они с плохим дядькой ушли маму спасать! Лёшка мне сказал, что вечером мы будем дома пить чай с тортом! Все вместе! Он всегда правду говорит!

Ну, всё, тушите свет, сливайте воду! Лёшка говорит! Блин, Маша, вот кто тебя за язык тянул? Нашла с кем поделиться сокровенным и, главное, выбрала самое подходящее для этого время! Одна надежда, что Макар Степанович, сопоставив сказанное с моим возрастом и возможностями, примет сказанное сестричкой за детские фантазии. Приснилось, привиделось, мальчишки в садике наболтали, фидьм про фойну пересказывая в свойственной им манере. А девочка впечатлительная, перепутала действительность с вымыслом, вот и болтает всякую несуразицу. Ну, где это видано, чтобы младенцы разговаривали, да ещё и взрослыми командовали? Гайдару хотя бы шестнадцать было, когда он командиром полка стал, а тут карапуз восьми месяцев от роду! Не бери в голову, Макар Степанович, лучше делом займись, то есть беги уже к Иннокентию Петровичу!

– Маша, хватить придумывать глупости, – неожиданно вмешалась мама. – Вот не буду больше тебе на ночь читать такие ужасные книжки про пиратов! Вы уж извините, Макар Степанович, она у меня девочка впечатлительная, а тут такая книжка, – она показала книгу с узнаваемой картинкой на обложке. – Вот и напридумывала всё! Да, Маша?

– Да, мама, – скуksилась сестрёнка, правильно уловив в тоне матери обещание наказания за излишнюю болтливость.

– Ну, да, бывает, – слишком легко согласился участковый, бросив в сторону моей кровати задумчивый взгляд.

Не-не, товарищи дорогие, вы эти гнилые версии сразу выкиньте из головы, потому что не могут восьмимесячные карапузы командовать сержантами милиции. Точно вам говорю, зуб на рельсы, отвечаю, начальник – гоневое беспантовое, порожняк прогнали!

Не верит Макар Степанович, чувствует, есть в словах Машки крупица правды, только очень странной правды, выглядящей полным абсурдом, в который никто не поверит. Но крупица эта очень хорошо ложится в мозаику происходящего, доказывая, что причина вызова Светланы в управление кроется в чём-то другом. Только спросить не у кого, все, кто в теме, лежат в морге, а малолетняя девочка свидетелем быть не может. Но хочется участковому в её слова верить, аж скулы сводит от разыгравшейся паранойи. Рисует у него в голове жуткая такая картинка, в которой младенец, грозно топая ножкой, заставляет рослого сержанта исполнять его волю. Причём тут книжка про пиратов? Совсем о другом девочка рассказывает, более близком к нашей жизни, более понятном и почти объяснимом. Почти, если исключить из рассказа странного младенца.

Вот только Светлана абсолютно уверена в том, что говорит, и он это нутром чует. За столько лет службы научился с ходу отличать правду от вымысла, как бы преступник не изворачивался, пытаясь выдать кривду за истину. Снова у него картинка не сходится, но это, извините, не наша проблема. Есть у вас штатный следователь? Вот пусть он вам версии выдвигает и отдельные поручения выписывает. А ты, Макар Степанович, не будучи совсем уж дураком, лишнего не болтай, а то ненароком подведёшь Светлану Игоревну под монастырь, а я тебе этого никогда не прощу! Зуб даю, начальник!

Закрыв дверь за участковым, мама повернулась к нам. Молча. Не произнесла ни слова. Просто стояла и смотрела, то на Машку, то на меня, не зная, что ей делать с тем, что сказала дочка. Это постороннему человеку она могла заявить, что Машка всё выдумала, но сама она отлично понимала – та просто врать ещё не умеет. Не обучена. Не имеет привычки. Сказала всё как было на самом деле. Потому что искренне переживала, хотела поделиться своими страхами, защитить семью от злых дядек.

Но в памяти Светланы нет никакого убитого учителя истории, нет тех самых злых милиционеров, нет драки и обещания упрятать детей в детский дом. Она ведь совершенно точно знает, что сама отвела Машку в садик! А потом, возвращаясь из управления, встретила с Иннокентием Петровичем, который поскользнулся и упал в сугроб. Она помогла ему встать, а он уложил меня в коляску.

А почему я оказался не в коляске, если я был в ней всю дорогу? Или не был? Она совершенно точно помнит, что возле милиции никакой коляски не было. Этот момент я упустил при блокировании опасных воспоминаний. Далась им эта коляска!

Из-за этой мелочи и Машкиных откровений в памяти Светланы сейчас полная каша. Она пытается выстроить похожую на правду последовательность событий, но всякий раз что-то выпадает, не стыкуется. Она не знает, что с этим делать, потому что очень похоже на то, что она сошла с ума. А с таким диагнозом ей в школе, да и, вообще, с детьми не работать. Заподозри кто, что у учительницы кукушка слетела, получит полный запрет на профессию. Но она ведь чувствует себя совершенно нормальной! Значит, если следовать логике, ненормальный мир, в котором я она живёт и самое время задать уточняющие вопросы непосредственным участникам событий этого утра.

– Так, дети, чего я ещё не знаю о вас? – не очень добрым голосом поинтересовалась мама.

И смотрит, что интересно, не на Машку, а на меня, будто есть у неё смутное подозрение, не выдумала дочка про разговорчивого братика, совсем недавно показавшего ей свои способности. И не просто говорит, а как нормальный человек – успокаивает, обещает, отдаёт приказы. Последнее особенно интересно – с какой стати взрослый мужик будет подчиняться младенцу?

– А чего? Ты же сама сказала, что я всё придумала, – попыталась отмазаться Машка, поняв, что напрасно влезла со своими страхами в самый неподходящий момент. – Не было ничего! Мне показалось! В сончас приснилось, – пришла ей в голову отличная идея.

Сны они такие, порой не знаешь, снится тебе это или по-настоящему происходит. Проснёшься и никак не можешь вернуться в реальность, отказывается сознание забыть сон и смириться с обыденностью.

– Приснилось? – укоризненно покачала головой Светлана. – Маша, ты совсем не умеешь врать!

– Я научусь, – быстро пообещала сестричка. – Мне Лёшка рассказывал, что нужно говорить, а что нет...

Она запнулась и, смешно сморщив нос, замолчала, поняв, что снова ляпнула лишнее. Выходит, не так уж хорошо я её и научил. Но ведь что с неё взять? Это ведь не матёрый разведчик, приученный держать эмоции под замком. Обычная девочка шести лет, из которой слова и чувства вылетают со скоростью пули.

– Рассказывал, значит? Лёша, а что же ты сейчас молчишь? – вкрадчиво поинтересовалась мама.

– Бу, – коротко ответил я, намекая, что партизаны не сдаются.

– Не хочешь говорить, – сразу поняла Светлана. – Ну, тогда мне всё расскажет Маша! Ты ведь расскажешь, дочка?

Она подошла к Машке, присела на колени и взглянула ей в глаза. Погладила по голове, прижала к себе.

– Я вас так люблю, что жизнь готова отдать, – призналась она. – Ближе вас у меня никого нет во всём белом свете. Я ведь чувствую, что-то происходит, а никак не могу понять, что именно. Дети, давайте жить дружно! Мы – семья! У нас не может быть друг от друга никаких тайн! Маша, Лёша, поговорите со мной, пожалуйста, – попросила она.

Прямо комок в горле застрял, слёзы навернулись, в носу защипало, аж чихнуть хочется, но момент не самый подходящий. Ощущение туго натянутой струны, ещё чуть больше поверни колок и лопнет от напряжения, поранив окружающих. А что сказать? В чём признаться? Сможет ли она удержать эту тайну в себе? Не сделаю ли я только хуже, сознавшись хотя бы в том, что могу говорить?

Но следом потянется другой вопрос – почему сержант подчинился мне? Как я его уговорил идти спасать маму? Какие слова нашёл? Или не мудрствовать лукаво, сочинить байку про то, что оказался он хорошим человеком и отнёсся к нам по-людски? Но Машка может всю обедню испортить, встряв со своими уточнениями! Уж больно не по-детски я разговаривал с сержантом. Есть другие варианты? Нет. Тогда, как в прорубь?

– Мам, ты только не ругайся, – совсем негромко попросил я. – Не хотел, чтобы кто-то знал об этом, – честно признался я, кинув выразительный взгляд на Машку.

Вот совсем не вру, ни крошечки, и Машке не нужно было этого знать, но так одиноко сидеть «в домике», боясь нос на улицу высунуть. Нинка – взрослый человек и не родной, хотя и есть между нами какая-то близость после всего пережитого. Но Машка другое дело, она маленькая, она девочка, она моя сестра, в конце концов. Если я с ней буду молчать, то кто я после этого?

– Почему? – удивилась Светлана. – Что в этом плохого?

– Мам, ну не разговаривают малыши в таком возрасте, – совершенно по-детски усмехнулся я, растянув улыбку до ушей. – Тут такой бы шум вокруг нас закрутился, а оно нам надо?

– Лёша, то, что ты разговариваешь – это не просто хорошо, это здорово, – почему-то без нотки восторга сказала Светлана. – Меня удивляет, что разговариваешь ты, как взрослый человек, а не малыш! Понимаешь, о чём я говорю?

Ну, тут нужно быть особо тупым или, как принято будет говорить в будущем на загнивающем Западе, альтернативно одарённым, чтобы не понять. Малыш, осваивая речь, начинает с простейших слов, не требующих сложной артикуляции. Потом многие месяцы слово за словом расширяет словарный запас, даже не пытаясь выстраивать слова в предложения. И лишь в

возрасте трёх-четырёх лет начинает радовать родителей более или менее осмысленной речью. Но никак не речью взрослого сформировавшегося человека, потому что до этого у него долгий путь из садика и школы, как минимум.

– Понимаю, – грустно вздохнул я. – Только объяснить вряд ли смогу, – пора начинать выстраивать бастионы лжи, прикрывая неудобную правду.

Я не я и лошадь не моя. Оно само пришло. Знать не знаю, откуда это на меня свалилось. Сам в шоке, а куда деваться?

– И давно это у тебя стало... получаться? – с трудом подобрала нужное слово Светлана, глядя на меня как-то по-новому, будто пытаюсь разглядеть нечто особое, что превратило меня в настолько необычного младенца.

– Нет. Месяца два, – пришлось припомнить, когда я в первый раз раскрылся Машке, хотя, думаю, сестричка пока не особо умеет считать дни, недели, месяцы. – Проснулся и понял, могу говорить! Сперва обрадовался, а потом страшно стало, – признался я. – Будто разом стал взрослым, но ничего не помню, кроме того, что было сразу после того, как вы подобрали меня на крыльце.

По тонкому льду идёшь, Лёха! Так-то младенцы вряд ли что могут вспомнить из своей жизни до четырёх лет. То ли долговременная память до этого возраста не сформирована, то ли по каким другим причинам, но лично я начал себя осознавать и вспоминать в более взрослом возрасте именно с четырёх лет. А вот всё, что было до этого, осталось в тумане.

– Это выглядит странно, но во мне будто кто-то просыпается, я слишком быстро становлюсь взрослым, – предложил интересную версию.

Поди, проверь, правду я говорю или вру? Так не бывает? Тоже не факт, потому что мир большой, а мы можем видеть лишь крохотную часть его. Что-то произошло на Солнце, магнитная буря, метеорит упал, молния ударила, землетрясение случилось и младенец заговорил чудесным образом, получив в довесок знания и умения, которые не мог получить обычным образом.

– Получается, это ты рассказал Маше про корабли, пиратов, пушки из той книжки, – сделала немедленный вывод Светлана. – А я думаю, откуда она всё это знает? Решила, в садике слышала, – улыбнулась она.

– Ага, – признался я. – Сама понимаешь, скучно просто так валяться в кроватке, когда книжка под боком и читать умеешь.

– А кто-то ещё знает, что ты стал вот таким?

Смотрит придирчиво, словно ожидает вранья, но и правду услышать не очень хочет, если она будет не такой, как ожидает. Любая женщина хочет быть первой и единственной во всём, а не только в любовных делах. Так что, боюсь, моя правда тебя, мама, разочарует.

– Нина знает, – признался я. – Но тоже недавно узнала, – смягчаю я правду. – Так получилось!

– То есть совсем посторонней женщине ты признался, а родной матери побоялся сказать? – обиделась Светлана.

– Ну, её мне не так жаль, как тебя, – подсластил я пилюлю. – После того как я снова красавцем стал, няньки постоянно ко мне липли, прямо, как мухи на... мёд, – пожаловался я. – А Нина их прогнала и запретила ко мне подходить! Так что ты ей спасибо должна сказать, что она меня от них охраняла!

– И чего они к тебе привязались? – не поняла Светлана.

– Так ведь чудо, мама! Был урод и за одну ночь стал красавчиком! Вот они и решили, что, если ко мне прикоснуться, может и с ними какое чудо случится! Представляешь? Целый день лапают, трут, дёргают туда-сюда! Тебе бы такое понравилось? – вру, как сивый мерин, но эта правда лучше того, что происходило на самом деле.

– Ну, а что же ты мне не сказал? Я бы им устроила... – начинает возмущаться и тотчас осекается мама. – Ну, да, ты же боялся, – в её голосе слышу нотки понимания и сочувствия.

Уже хлеб. Нужно плавно выводить на жалость, любовь и прочие чувства, уходя от конкретики.

– Ну, да, боялся, – повинулся я. – А Нине пришлось сказать спасибо за то, что защитила от этих дурочек! Тоже мне, нашли себе святые мощи, – фыркнул я.

Светлана понятиливо покивала, хотя по лицу вижу, гордится своей затеей с бабкиным средством, которое, вроде как, и совершило то самое чудо. Копнуть глубже, так ведь бабкой может оказаться мой личный враг – баба Сима. Неисповедимы пути твои, Господи, а дорожки дьявола и того страннее.

– И как же нам теперь жить? Ты себя на сколько лет ощущаешь, Лёша?

Станный вопрос по отношению к ребёнку. Откуда он может такое знать, если в нём, по его словам, что-то просыпается?

– Не знаю, мам, – пришлось увильнуть от истины, – может, лет на десять, – неуверенно предположил я.

– А знаний и рассуждений на все шестьдесят, – проворчала мама.

Эх, знала бы ты, насколько близко к истине оказалась, но тьфу-тьфу, чтобы для тебя это прозвучало шуткой. Понимаю, ей сейчас приходится многое переосмыслить, иначе себя вести – мужик в доме! Опять же, возникает деликатный вопрос по Олеже – если я не вчера ночью неожиданно повзрослел, то мой «младенческий» бунт был вполне себе взрослым? Одно дело, когда мама застучала тебя с девчонкой, совсем другое, если сын застал в постели собственную мать с каким-то прощелыгой.

– Не, мам, это я просто нянек в яслях наслушался, – принизил я собственную умудрённость. – Они там такое болтают, что и не захочешь, а повзрослеешь, – хихикнул я, стараясь превратить всё в шутку.

Ага. Не угадал. Нахмурилась. Представила, о чём могут говорить бабы, считающие, что они одни и мужиков рядом нет. Ну, извините, так уж получилось. Не я выбирал, как мне жить!

– Может, спать уже ляжем? – предложил я, чувствуя невероятную усталость.

Не стал добавлять, что день выдался насыщенным событиями, потому что для Светланы с подправленной памятью ничего особенного, кроме неожиданного визита Макара Степановича, и не произошло.

– И даже книжку не почитаем? – хитро улыбнулась мама.

Только бы Машка не подвела, а то ведь заявит, что все желающие могут спать, а она готова слушать хоть до утра.

– Завтра почитаем, – неожиданно сыграла на моей стороне сестричка.

Машка, я люблю тебя! Ты самая лучшая сестра на свете! Единственное, о чём я сейчас мечтаю, чтобы этот день, наконец, завершился! Нужно перевернуть эту страницу и жить дальше, но... понимая, что многое изменилось не где-то в мире, а в собственной семье.

Чёрная кошка в тёмной комнате

Вторник, 07.03.1961, поздний вечер, Управление КГБ по Светлогорску.

Несмотря на поздний вечер, работа в городском управлении КГБ не затихала ни на минуту. Постучав, в кабинет начальника управления целеустремлённо вошёл невысокий мужчина в простом сером костюме. Пухлая папка с бумагами, зажатая под мышкой, намекала, что предстоит долгий разговор, хотя хозяин кабинета и посетитель выглядели усталыми. Но вопрос нельзя было отложить на более удобное время, и они это прекрасно понимали. В этом учреждении вопрос усталости стоял на последнем месте, потому что на первом всегда был долг. Не будет враг терпеливо и с пониманием дожидаться, пока доблестные чекисты сытно покушают, отдохнут в комфорте, восстанавливая бодрость духа и физическое здоровье. Поэтому кровь из носу, но делай дело, а потом, может быть и на кладбище, спи смело. Юморок, скажем прямо, мрачноватый, но для чекистов вполне житейский.

Убийство нескольких человек в кабинете начальника управления внутренних дел, как и все факты, с ним связанные, было засекречено, чтобы исключить панику и не спугнуть организаторов. Сам факт скрыть не удалось, слишком значимые люди разом выпали из обоймы власти. Но подробности произошедшего охранялись всеми возможными способами, включая подписки о неразглашении от всех вольных или невольных свидетелей произошедшего. Почему-то не верилось, что круг причастных замыкается на тех, кто сейчас лежит в морге. Вопросов больше, чем ответов. Нестыковки вылезают углами из всех версий. Эксперты не могут прийти к единому мнению, а какие-то выводы уже нужно докладывать наверх.

Промедление увольнению подобно, не рядовой случай, не анекдот политический, рассказанный на кухне подвыпившим интеллигентом. Сейчас каждое их действие или бездействие в области под микроскопом рассматривают, потому что понимают, им перед Москвой ответ держать и не дело выглядеть при этом бледно и уныло. Всем нужен результат: быстрый, точный, беспощадный и многообещающий, при наличии которого можно и о серьёзном продвижении по службе пометчать.

– Товарищ полковник, разрешите доложить?

Остановившись, не доходя нескольких шагов до стола начальника, спросил майор Иванов. Вроде не тот момент, когда нужно демонстративно показывать субординацию, тем не менее, в ситуации, когда обилие фактов не позволяет сделать никаких обнадеживающих выводов, лучше перестраховаться, чётко обозначая своё место в иерархии. Ты – начальник, я – дурак! А что с дурака спрашивать? Его и наказывать грех, потому что сам Бог уже наказал при рождении. Майор Иванов не считал себя дураком, но и звёзд с неба не хватал, поэтому предпочитал быть вторым в любых раскладах. Спрашивают обычно с первых...

– Докладывайте, Сергей Валентинович... без формальностей, – устало ответил полковник. – Что у нас по существу?

– По существу... – майор, присев на стул перед столом полковника и положив папку с документами на стол, на секунду замялся, подбирая слова. – По существу, Игорь Сергеевич, происшествие не укладывается ни в одну из отработанных версий. По показаниям свидетелей стрелял один человек – Рогоза Григорий Павлович. Заместитель председателя горисполкома. Ранее в разработке не состоял. Компрометирующих материалов на него нет.

– Оружие?

– Револьвер и пистолет Макарова. На револьвере – только его отпечатки. ПМ – табельное оружие сержанта милиции.

Полковник поднял глаза.

– В городе табельное оружие на руках у милиции не держат. Или я что-то не знаю?

– Так точно. Выдаётся только под конкретную операцию. Приказов на проведение операции или переход на особое положение не обнаружено, – упредил следующий вопрос начальника майор. – Дежурный утверждает, оружие выдано по устному распоряжению полковника Нечипорука.

Пауза затянулась. Полковник разминал пальцами лоб, пытаясь сбросить вялость мыслей. Не вовремя. Как же не вовремя. Уже приказ готов о его переводе в областное управление, а тут такое. И не замять, не замести под коврик, будто ничего особенного не произошло. Первые лица города. Завалишь расследование, и выводы сделают вполне определённые. Вопрос не в отмене перевода, как бы вовсе со службы не вылететь.

– Продолжайте, Сергей Валентинович, – попросил полковник, опустив руки на стол.

Картина происшедшего зримо стояла перед внутренним взором, будто он прямо сейчас раз за разом обходил кабинет, вглядываясь в каждую деталь, в лица покойных, в разбросанные по всему кабинету деньги. На ум приходили японские камикадзе, уничтожавшие врага, жертвуя при этом собственной жизнью. Но где японцы, а где Рогоза? Рохля, заурядный чиновник, никогда оружия в руках не державший, привыкший лишь хапать деньги, извлекая выгоду из всего, что видит. Почему он застрелился? Эта мысль не давала полковнику покоя, он считал разгадку этого факта ключевой в понимании произошедшего. Застрелить кого-то может практически каждый, а вот пустить себе пулю в лоб не каждый решится. Для такого поступка нужна недюжинная сила воли и совершенно безвыходное положение.

Да, Рогоза не мог не понимать, за то, что произошло в кабинете начальника ГУВД, ему светит расстрел, но ведь не прямо сейчас. Будет следствие, потом суд, затем особая тюрьма для ожидающих исполнения высшей меры. А это ведь недели, месяцы, а то и годы жизни, когда человек продолжает дышать, есть, слушать, разговаривать, то есть пусть и не в полной мере, но наслаждаться жизнью. Но Рогоза, не раздумывая ни одной лишней секунды, выполнив задуманное, тотчас пускает себе пулю в лоб, напрочь лишая следствие возможности понять первопричины произошедшей трагедии и выйти на его подельников, если таковые могли быть.

– Среди убитых два сотрудника милиции. На затылке старшины обширная гематома. У сержанта – ранение в ногу, затем контрольный в голову у обоих. Положение тел указывает на борьбу между сержантом и старшиной. Эксперты полагают, сержант пытался разоружить старшину. Есть мнение, один из них соучастник Рогозы.

Полковник чуть кивнул, сцепив пальцы.

– Соучастник. И что это нам даёт? Нужно понять причину! Мотив? За что он их всех убил?

– Мотив не установлен, – тяжело вздохнув, признался майор. – Рассматривали любые, самые абсурдные версии, не вписывается в них Рогоза, лишний он в этом пасьянсе, хотя и главное действующее лицо.

Короткая пауза повисла в кабинете.

– Личные конфликты? Карьерные амбиции?

– Проверяли. По отзывам работников горисполкома – человек слабовольный, но исполнительный. Без инициативы. Как говорят, работник хороший, но без огонька. В коллективе незаметный, всегда на втором плане. Для него и занимаемая должность считалась пределом. Версия устранения руководителя с целью занять место – маловероятна.

– Несчастливая любовь? Видел фотографию жены Городца, та ещё бабёнка, мимо себя мужика не пропустит, – подкинул версию полковник.

– Думали и над таким вариантом, – признался майор. – Следователь на пару с психологом поговорили с этой самой... – майор заглянул в бумаги, – Еленой Сергеевной. Связь есть, точнее, была, но со слов психолога ничего особенного, интимные отношения без особых обязательств и ожиданий.

– Тогда что?

Нет дыма без огня, обязательно должно было что-то подтолкнуть Рогозу к этому действию. Не спонтанно оно произошло, потому что не будет человек постоянно таскать с собой заряженный револьвер. Учитывая биографию Рогозы, ему это совершенно определённо было не свойственно. Пусть и с деньгами был, но кто об этом знает? Если бы на каждого чиновника, идущего по улице с пухлым портфелем, нападали бандиты, милиция бы такой шухер подняла, что с преступностью в городе было бы покончено раз и навсегда. Эксперты утверждают, не было в его портфеле старых следов оружейной смазки, только свежие, стало быть он целенаправленно шёл убивать, чётко осознавая, как именно это будет делать. Если бы разговор шёл о выявленном шпионе, имеющем необходимую подготовку и физическую форму, тогда картинка была бы понятна. Но мелкий чиновник провинциального городка категорически не вписывался в подобный сценарий.

– В этом и проблема, товарищ полковник. Действия Рогозы... – майор сделал паузу, – не соответствуют его характеристикам и отзывам коллег по работе. Он действовал очень хладнокровно, последовательно. Неподготовленный человек в такой ситуации так поступить не мог. Сами понимаете, обычного человека, осознавшего, что он убил кого-то, вывернуло бы наизнанку. А этот действовал спокойно, методично, словно выполнял привычную работу. И вот ещё – он считал выстрелы.

Полковник поднял взгляд, поймав себя на странной мысли. Нет, такого не может быть, потому что сознание обычного человека, нажимающего на курок револьвера, и видящего, как расплываются пятна крови на телах убитых им людей, не способно подсчитывать выстрелы, будто речь идёт о покупке штучных товаров в бакалейной лавке. Обычно люди в состоянии аффекта просто жмут на спусковой крючок, продолжая это делать и после того, как заканчиваются патроны. Но этот считал. Стрелял. Убивал. И считал. Как машина для убийства.

– Уверены? Почему так решили?

– Да, уверен. Последний патрон оставил для себя. Свидетельские показания совпадают. После прибытия сотрудников милиции он остановил их одним выстрелом, затем произвёл контрольные по потерпевшим... и сразу же застрелился. Без колебаний. Он точно знал, что в запасе есть последняя пуля. Особенно смущают контрольные выстрелы. Это доказывает, действия не были спонтанными. Он подготовился. Имел чёткое задание или собственный план. Для него было важно, чтобы все указанные лица были гарантированно мертвы.

Игорь Сергеевич медленно провёл ладонью по лицу.

– Прямо подготовленный диверсант получается. Пришёл, увидел, всех убил! Не верю! Откуда у нас в Светлогорске диверсанты? А что говорят психиатры? Он ведь мог элементарно сойти с ума! И тогда всё встаёт на свои места – нервы не выдержали, сорвался, надумал себе всякой ерунды и пошёл стрелять по всем, кого видел. Нам бы именно на такую версию выйти, – то ли попросил, то ли приказал полковник.

Да, именно так, такая версия решает сразу все проблемы, и приказ о переводе не зависит в подвешенном состоянии. Мало у нас народу с ума сходит? Оружие? После войны его тоннами собирают на полях сражений, пойдёшь найди, откуда он взял свой револьвер. Не нужны нам диверсанты. И хладнокровные убийцы тоже не в кассу.

А вот сбрендивший человечек закрывает разом все вопросы, не требуя никаких дополнительных исследований. Разве что правильно оформить выводы экспертов и можно победно закрывать дело. А как же убитые? Ну, дело житейское – заместители займут освободившиеся кресла, и жизнь потечёт в прежнем русле. Так что меньше рефлексий и философствований на пустом месте – Рогоза сошёл с ума! Как известно, параноики зачастую очень изобретательны и хладнокровны, их болезненное сознание охотно помогает им избавиться от всего, что по их мнению опасно для их жизни. При этом моральные аспекты отходят на задний план, главным становится собственное выживание. Но то, что после этого он покончил с собой, плохо вписывается

в версию паранойи, ведь при этом он наносит вред самому себе, а это непреодолимое табу для таких пациентов психушки.

– Эксперты допускают острое помрачение сознания. Параноидальный эпизод. Но... – майор чуть качнул головой, – дежурный и адъютант утверждают, незадолго до происшествия он вёл себя спокойно и адекватно. Без признаков тревоги или возбуждения. Так что, по моему мнению, версию того, что Рогоза сошёл с ума, можно отбросить, как нереальную.

– И что это доказывает? – сорвался на крик полковник. – Вошёл в кабинет нормальным, а потом крышу снесло. В описании места преступления сказано – всё было усыпано деньгами! Чем не повод сойти с ума? Всем поводам повод! – неожиданно вдохновился он, захваченный картиной денежного изобилия. – Он всю жизнь мечтал иметь такую кучу денег, а тут о них ноги вытирают!

Полковник понимал, что причина срыва не в том, что майор разрушил решающую все проблемы версию, а в обычной усталости. Не тот у него возраст, чтобы без сна пахать вторые сутки. Но, чёрт побери, какую отличную возможность поставить жирную точку в этой запутанной истории сорвал майор своей въедливостью. Нужно взять себя в руки и сосредоточиться на решении проблемы, а не искать способ от неё избавиться, – подумал полковник, нервно дёрнув уголком губ.

– Нет, Игорь Сергеевич, не сходится картинка. Деньги Рогоза принёс с собой в портфеле. Из того же портфеля, судя по следам смазки на коже и деньгах, извлёк револьвер. То есть деньги у него были раньше, и он не мог при их виде сойти с ума, – твёрдо отмёл версию майор.

– Семья? Близкие? – с явным сожалением расставаясь со столь обнадеживающей версией, недовольно спросил полковник.

– Не женат. Родственников нет. Связей, через которые могли бы оказать давление, не выявлено.

– Долги?

– Отсутствуют. К азартным играм не склонен. По отзывам коллег, скуп, прижимист, с женщинами вёл себя равнодушно. Есть мнение, не хотел на них тратить.

Полковник на секунду прикрыл глаза, безуспешно пытаясь в мешанине фактов найти хоть какую-то зацепку. Но все усилия были тщетны, произошедшее закуклилось само на себя, похоронив в том кабинете саму возможность получить ответы. Кто-то сработал очень чётко, спланировав операцию по минутам, безукоризненно исполнив каждый пункт плана, придуманного кем-то, кого не было в том кабинете. Там были только приговорённые и исполнитель. Никого лишнего, кроме... вспомнилась женщина с ребёнком. Но они покинули кабинет до того, как загрохотали выстрелы. Зацепка? Или сознание уже подкидывает фантомы, пытаясь хоть как-то снять огромное напряжение, ничего хорошего для здоровья не приносящего?

– То есть: мотив отсутствует, поведение нехарактерное, внешних причин нет... – успокоившись, тихо проговорил он. – Что же ты за фрукт такой, Рогоза?

Майор промолчал. То ли не решаясь нарушить ход мыслей начальника, то ли уснув на мгновение.

– Служба? – спросил полковник после паузы. – Может, оттуда ниточки тянутся? Воевал? Имел отношение к оружию? Сослуживцы, имеющие отношение к специальным операциям?

– К военной службе не годен, – вздрогнув, после небольшой паузы на осознание вопроса, ответил майор. – В годы войны работал в тылу старшим смены на складе боеприпасов. Вероятно, оттуда и оружие. Содержалось в идеальном состоянии. Эксперты утверждают, стреляли из него очень мало, нагар слабый, износ ствола отсутствует. С сослуживцами отношений не поддерживал, переписки не вёл, никому ни о чём подобном не рассказывал.

– Угу...

Полковник откинулся на спинку стула, сверля подчинённого пристальным взглядом.

– Что-то мы упускаем. Причин нет. Мотивов нет. Психически нормален. Но Рогоза достаёт револьвер и хладнокровно расстреливает всех присутствующих в кабинете. Есть ещё какие-то факты, которые оставили за скобками?

Майор покопался в папке, вытянул документ и пробежался по нему взглядом, освежая в памяти информацию.

– Перед происшествием в кабинет начальника ГУВД была доставлена женщина. Учительница. С младенцем. Затем их вывели и проводили на выход.

Полковник, словно охотничий пёс, почуявший добычу, чуть наклонил голову. Женщина. Об этом уже говорилось, но каждый раз пролетало мимо сознания, как несущественный факт. Мало ли кто бывал в этом кабинете? Интересовали те, кто был там именно в момент убийства, а какая-то женщина, тем более с младенцем... но она была, а её скинули со счетов. Тем более, она там была непосредственно перед самым убийством, но ушла, оставшись в живых, а могла бы и лежать вместе со всеми.

– Обстоятельства?

– Женщину привели жёстко. Старшина вёл себя с ней грубо, как с преступницей. Ребёнка позже принёс сержант. Следом за ним в приёмной появился Рогоза.

– А вывели?

– Тот же сержант. Но уже... иначе. Спокойно. Без давления. С уважением. Адьютанта это удивило, вот он и вспомнил. Игорь Сергеевич, на мой взгляд, женщина не имеет к этим событиям никакого отношения. Случайное событие. Разобрались и отпустили. Обычное дело, товарищ полковник, – убеждал майор своего начальника, не понимая, почему этот несущественный штрих в цепочке событий начал его интересовать.

Пауза стала длиннее. Полковник заново приглядывался к картине событий, пытаясь найти в ней место для той самой случайной женщины. После, не значит по причине, она действительно могла быть случайным посетителем, оказавшимся в ненужное время в ненужном месте. Тем не менее, что-то не отпускало полковника, заставляя его прокручивать картинку раз за разом, словно это могло подтолкнуть его к разгадке.

– Случайное? А что произошло после её ухода?

– Сержант вернулся в кабинет и практически сразу – стрельба. Но после, не значит вследствие, Игорь Сергеевич, – отстаивал свою версию майор, словно прочитав мысли полковника.

Полковник медленно кивнул.

– Может быть, может быть, – задумчиво постукивал он пальцами по столешнице. – Судя по тому, как именно её доставили в кабинет начальника управления, эту женщину задержали. Перед этим полковник Нечипорук распорядился выдать милиционерам, отправленным на её задержание, оружие. Должна быть причина для такой операции. Веское обоснование. Не может начальник управления требовать задержания какой-то гражданки, жёсткого задержания, потому что ему просто так захотелось. Документы по задержанию есть? Основания? В рамках какого дела? Кто вёл следствие? Опросили оперативников?

– Никаких зацепок. Ни записей, ни распоряжений, ни открытых уголовных дел, – даже не притронувшись к документам, моментально ответил майор. – Всё указывает на то, что полковник Нечипорук действовал исключительно по собственному желанию.

– То есть, – тихо подвёл он, – два вооружённых сотрудника милиции без приказа доставляют женщину и ребёнка к начальнику ГУВД... после короткого разговора отношение к ней меняется... её выводят... и через несколько минут все участники событий, кроме неё, мертвы.

– Так точно.

Тишина. Картинка в сознании полковника начала меняться причудливым образом, от каждого погибшего к той самой женщине протянулись красные ниточки, запульсировали, задёргались, заставляя людей подпрыгивать словно марионеток. Чушь? Бред? Такого не может

быть, потому что такого не может быть никогда! – подумал он, усилием воли стирая странную картинку из памяти.

– Почему он начал стрелять? – полковник спросил так, будто ответ уже знал. – Слабовольный, исполнительный. Без конфликтов. И вдруг – расчёт, контрольные выстрелы, самоубийство без паузы, – тихо добавил полковник. – Но исполнительный, – почему-то подчеркнул он, словно это было важно.

Майор кивнул, не понимая, о чём пытается ему намекнуть полковник. Да, исполнительный и что это нам даёт? Ему кто-то приказал? Или голоса в голове нашептали? Шизики они такие, путают реальность с вымыслом, считая фантомов, порождённых больным сознанием, реально существующими людьми. Они с ними разговаривают, привыкают к их существованию, делятся горестями и радостями, удивляя окружающих беседами с призраками. Могли подобные гости и подтолкнуть Рогозу к расстрелу чиновников? Вполне могли!

– Психиатрия? – майор попытался проверить идею, что начальник склонен вернуться к изначальной версии о том, что Рогоза просто слетел с катушек.

– Рассматривается. Но не объясняет последовательности действий и хладнокровия убийцы. Обычно сумасшедшие действуют спонтанно, плохо координируя себя при этом.

Полковник постучал пальцами по столу, не решаясь поднимать тему, даже ему кажущуюся надуманной.

– Сергей Валентинович... вы обратили внимание на один момент? – осторожно спросил он, пристально глядя на майора, словно тот должен был читать его мысли.

– Какой? – насторожился майор, моментально взбодрившись от выплеска адреналина в кровь.

У полковника явно появилась какая-то новая идея, о которой раньше речи не шло. Что-то в их разговоре заставило его по-новому увидеть события и подвергло сомнению все, ранее озвученные версии. Он, к собственному сожалению, не видел ничего особенного из ряда вон выходящего, чтобы начать фонтанировать свежими идеями. Но сейчас нужно напрячься, раз уж у начальства какой-то прорыв в сознании.

– Изменение поведения милиционеров по отношению к женщине.

Майор чуть напрягся. И что это нам даёт? Притащили жёстко, поняли, что ошиблись, извинились и отпустили с миром. Естественно, что их поведение изменилось, раз полковник отменил собственный приказ. Или не отменил?

– Да. Но не придавал этому значения, – честно признался майор.

– Следите за мыслью – привели как задержанную. А вывели – как... кого?

– Как лицо, к которому претензий нет. Или... – он замаялся, – к которому изменилось отношение.

Вот что ему удалось это самое отношение? – с непонятной злостью подумал майор. – Изменилось оно и что из этого? Какое отношение баба имеет к их делу? Нужно искать тех, кто распланировал подобную операцию или списывать всё на паранойю Рогозы. Если копаться в таких мелочах, до утра тут просидим, – чуть не зевнув во весь рот, с тоской подумал он, мечтая, как вернётся в свой кабинет и прикорнёт на диванчике, поспав хотя бы пару часов.

– Вот именно, – тихо сказал полковник. – Изменилось. Отношение. У кого-то из тех, кто был в кабинете. Первый секретарь горкома партии, начальник ГУВД, председатель горисполкома и этот ваш Рогоза. Кто-то отдал приказ. И её просто отпустили. Верите в такие совпадения?

Пауза. Майор не решился отвечать, боясь ляпнуть что-то не подходящее к мыслям полковника.

– За какой промежуток времени? Сколько женщина с ребёнком пробыла в кабинете? – задал уточняющий вопрос начальник, витая в грёзах о раскрытии неожиданного нового участника тех событий.

– Считанные минуты. Затем сержант провожает их на выход и возвращается в кабинет.

Полковник медленно откинулся на спинку стула. Лицо его разгладилось от морщин задумчивости, глаза заблестели, плечи расправились, словно эти, ничего не значащие факты, давали ключ к иному пониманию событий.

– И после этого один из милиционеров, возможно, бьёт другого по голове... второй пытается его остановить... и оба погибают от рук Рогозы.

Майор молча ждал.

– Слишком много «вдруг», – сказал полковник. – Но, если предположить, что именно Рогоза, держа всех под прицелом револьвера, отдал приказ выпустить женщину, а сержант при этом добровольно вернулся в кабинет, можно с уверенностью сказать, что они сообщники. Я говорю не только о сержанте, Сергей Валентинович.

Он на секунду прикрыл глаза, потом снова посмотрел на майора.

– Сергей Валентинович... вы в войну где служили?

– Контрразведка. Сорок третий – сорок пятый.

– Значит, помните, как работали диверсионные группы?

– Помню, конечно.

– И как вели себя подготовленные исполнители, – добавил полковник.

– Да.

Короткая пауза. Полковник будто ждал наводящего вопроса от майора.

– А теперь скажите: Рогоза на такого похож?

Майор помедлил.

– По действиям... да. По биографии – нет.

– Вот, – кивнул полковник.

Он чуть понизил голос и добавил:

– В сорок четвёртом брали мы одного... из «Бранденбурга». До последнего держался. Без эмоций. Без суеты. Работал чётко, как по инструкции.

Майор внимательно слушал.

– Перед допросом врач сказал: «Пустой номер. Отработанный материал. Он как будто уже всё решил для себя заранее и смерти не боится. Не геройствует, а именно так – в нём отсутствует страх смерти, как инстинкт». Тогда я этому не придали значения. Кстати, он так ничего и не рассказал, молчал до последнего, хотя кололи его жёстко.

Полковник сделал паузу.

– А потом пошли материалы... закрытые. По линии немцев. Эксперименты с психикой. Управление поведением. Подготовка исполнителей.

– Слышал, – тихо сказал майор. – Через... научные структуры, через свидетелей.

– Из разных источников, – отрезал полковник. – В том числе из тех, о которых официально не писали.

Он на секунду задержал испытующий взгляд на майоре, словно не решаясь задать вопрос.

– Аненербе. Знакомое словечко?

Слово повисло в воздухе.

– Считалось, это больше... идеология, – осторожно сказал майор. – Гитлер пытался создать сверхоружие, используя мистику и прочие антинаучные способы.

– Считалось, – кивнул полковник. – Но кое-что из их наработок мы видели своими глазами.

Игорь Сергеевич помолчал, словно вспоминая давно ушедшую войну.

– Я не утверждаю, что это оно, – добавил он. – Но и исключать не собираюсь.

Майор медленно кивнул, начиная понимать, что именно хочет сказать полковник, затронув тему Аненербе и управление сознанием.

– Тогда у нас связка: неизвестное воздействие... изменение поведения... и исполнитель без мотива.

– И женщина, после контакта с которой всё это происходит, – тихо добавил полковник.

Майор ничего не сказал, но взгляд его стал жёстче. Теперь женщина перестала быть случайным посетителем, она становилась частью событий, если не непосредственным куратором исполнителя. Если это подтвердится, дело примет совершенно иной оборот и поднимется на совершенно иной уровень.

– Проверить её максимально глубоко, – продолжил полковник. – Окружение, связи, прошлое. Любые отклонения.

– Есть.

– И отдельно – кто именно отдал распоряжение о её доставке. Даже если устно.

– Понял.

– Рогоза. Поднять по нему всю информацию! Полностью. Архивы, фото, медицинские данные. Сверить с телом.

– Есть.

Полковник устало потёр переносицу.

– Нам нужно ответить на главный вопрос... – тихо сказал он. – Это единичный случай... или начало большого плана враждебных нашей стране сил?

Майор чуть напрягся.

– Вы считаете возможным внешнее действия западных спецслужб?

– Я считаю недопустимым исключать такую возможность, – сухо ответил полковник. – Подготовленные кадры никуда не делись.

– Но масштаб... – осторожно возразил майор. – Провинциальный город, без стратегического значения. Какой смысл проводить подобную акцию в городке, который и на карте найти сложно?

– А если это не основная цель, а проверка? – тихо сказал полковник. – Смотрят на нашу реакцию. На скорость. На координацию. Ради этого даже пожертвовали агентом. Но где-то рядом есть резидент, который и поставит оценку нашим действиям, Сергей Валентинович, чтобы потом...

Полковник не договорил. Вывод очевиден, но озвучивать его нет желания. Как бы беды не накаркать. Нужно ускоряться самим, пока не произошло чего-то более глобального. Страшно предположить, что будет, если в Кремль проникнут подобные «серые мышки», на сто раз проверенные и по всем данным благонадёжные.

Он устало потёр переносицу.

– Сегодня уже ничего не выжмем. Люди на пределе.

Майор согласно кивнул, захваченный врасплох новой идеей, мысленно составляя план действий.

– Разрешите приступить с утра?

– Приступайте, – сказал полковник. – Времени у нас нет.

Майор встал, раздумывая, стоит ли спросить о том, в какой степени проводить разработку учительницы, но передумал. – Текучка, определимся сами, – решил он.

– Товарищ полковник... разрешите идти?

– Идите, Сергей Валентинович. Отдохните.

Дверь закрылась, полковник остался один на один с неприятными вопросами, на которые пока не было даже шансов получить ответы. Некоторое время он сидел не двигаясь. С другой стороны, если выяснится, что они зацепили очень важную ниточку, ведущую к глубоко законспирированной вражеской сети, можно, в случае успеха, перепрыгнуть область и попасть сразу в центральный аппарат.

Тут главное – не упустить что-то важное и вовремя взять под контроль причастных. Взять живыми, перевербовать, раскрыть всю сеть или начать контригру. В самом негативном варианте уничтожить, выжечь заразу калёным железом. Не самое лучшее для карьеры решение проблемы, но и отставкой не грозящее. Знать бы ещё, кто конкретно к этому причастен? Женщина, говорите? Аненербе, говорите?

Потом тихо произнёс:

– Сначала изменили отношение... потом поведение... А потом – всех подчистили.

При любых раскладах в обязательном порядке нужно срочно изложить своё видение вопроса руководству. Вдруг, не только в Светлогорске подобное произошло? Можно получить полезную информацию, а то и конкретные приказы. Он потянулся к телефону.

Контора глубокого бурения

Среда, 08.03.1961, раннее утро, квартира Бардиных.

На удивление выспался хорошо. То ли тайна собственной взрослости меня так тяготила, но признался маме и словно тяжкий груз с плеч свалил. Справедливости ради нужно сказать, о многом умолчал, что-то подал под более приятным соусом. Но с женщинами, а особенно с собственной матерью, иначе нельзя. Беречь их нужно от всякой вредной для здоровья и психики правды. Не врать! Боже упаси! Но зачем вываливать им на голову все помои, что преподносит нам жизнь? Тем более что сегодня самый любимый мой праздник – Международный женский день!

Как там Настенька с Валюшкой? Нет? Не будет свиданки? Не заслужил? Ну, ладно, мысленно посылаю им самые добрые слова, надеюсь, что теперь, когда Валюшка выздоровела, Настя справится с любыми проблемами. Она у меня боец! С виду цветочек нежный, а внутри стальной стержень. Правда, проявляется это редко, только в случаях, когда опасность угрожает дочке.

– Дорогие мои женщины, с добрым утром и с праздником, – прыгая у края кровати, поздравляю едва проснувшихся девчонок.

– Праздничный завтрак будет? – смеюсь, глядя на их ошалевшие спросонок лица.

Есть ощущение, что за ночь новость о моём неожиданном взрослении слегка испарилась из их памяти. Машка пытается вспомнить, не сболтнула ли она чего лишнего. Мама хлопает глазами, восстанавливая в памяти тезисы моего вчерашнего доклада об особенностях развития психики отдельно взятых младенцев СССР.

– Уф-ф-ф, Лёша, я думала, мне всё это приснилось, – призналась мама. – Так ты у нас на самом деле повзрослел?

Ну, что сказать? Лучше промолчать и улечься лицом в другую сторону, чтобы не смущать собственную мать, которой нужно элементарно переодеться и привести себя в порядок. Одно дело сверкать голой попой перед младенцем и дочкой, другое – знать, что в кровати лежит практически взрослый мужик. Десять лет, знаете ли, не хухры-мухры, мальчики очень тянутся к девочкам, чувствуя прилив гормонов.

– Ура-а-а, – запрыгала на диване Машка. – Теперь Лёшка может мне читать книжку всегда!

– Маша, прекрати прыгать, – ворчит Светлана. – Тебе самой пора уже читать, а не канючить у нас с Лёшей! Бегом на горшок и умываться, – приказывает она.

– Мам, мне тоже горшок нужен, – приходит мне в голову замечательная идея. – Ну, сколько можно пелёнки стирать?

– Горшок? Отличная идея, – вдохновляется она, представив, насколько облегчится её жизнь. – Сегодня же зайду в магазин и куплю, а пока... – она задумчиво смотрит на Машу. – Будете пользоваться одним! Маша, после себя горшок помой!

– У-у-у-у, – слышен недовольный голос сестрёнки, не приученной за собой горшки выносить.

Не плачь, Машуля, это не самое ужасное, потому что скоро тебе придётся за нами двумя горшки мыть. Вслух такие ужасные новости не озвучиваю, чтобы не портить атмосферу праздника.

– Оладушки со сгущёнкой сойдут за праздничный завтрак, – весело интересуется мама.

Ещё бы! Сколько можно питаться кашей и пюрешками? Хочется чего-то твёрдого, мясного, но и оладушки вполне себе сойдут! Тем более, со сгущёнкой! От предвкушения даже подпрыгнуть до потолка захотелось, еле сдержался!

Светлана принарядилась по-особенному, праздничная атмосфера заполняла комнату, проникала в каждую клеточку, заставляла живее бежать кровь по жилам. Сегодня её будут поздравлять в школе коллеги, ученики! Как говорится, нет повода не выпить! Даже не хочется отравлять атмосферу праздника, напоминая о непонятной судьбе Иннокентия Петровича. И в магазин нужно забежать перед работой, рассказать Фросе про её сына, поздравить с праздником и закинуть удочку насчёт того, что можно будет прикупить вечером после работы для домашнего сабантуя. И Нину нужно пригласить в гости, заодно поможет с готовкой, салатики порубит, стол накроет.

А пока мы, довольные жизнью, шагаем по улице, здороваемся со знакомыми, радуемся жизни. Ну, как шагаем? Мама с Машкой топают ногами, а у меня персональный транспорт, как у большого начальника и личный шофёр. Мне не ложится, сижу, придерживаясь за бортики, мотаю головой из стороны в сторону, наслаждаюсь прогулкой. Обычная советская семья.

Дежавю. Эти двое точно по нашу душу. Не милиция, но рожи протокольные. Контора? Это уже хуже, так просто они от нас не отцепятся. Точнее, не от нас, а от мамы. Убийство первых лиц города – слишком громкое событие, чтобы нас вот так просто выпустили из поля зрения. Свидетели или уже подозреваемые? Всё зависит от уровня их аналитиков.

Со своей стороны, я постарался создать идеальную картинку и убрать всех прямых свидетелей. Но контору будет интересовать причина, по которой Светлану силой доставили в управление. Убедит ли их версия, что я вложил ей в память? Нет? И что они могут спросить кроме этого? Рискнут ли использовать спецпрепараты? И снова всё зависит от степени их раздражения из-за отсутствия понимания причин произошедшего.

В идеале Гриша должен был написать признание, чтобы ясно прослеживались мотивы, толкнувшие его на это преступление. Но когда и, главное, что бы я там написал его руками такого, чтобы это создало непротиворечивую картинку? Поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Работаем с тем, что есть.

А есть у нас ничего, как бы смешно это не прозвучало. Дар спит. Мы ничего не знаем о судьбе Иннокентия Петровича. И Машка опять может ляпнуть что-то лишнее. Нужно срочно отправлять её в садик, а потом...

– Мам, – негромко зову я. – Сейчас тебя пригласят пройти в контору, возьми меня с собой, – тихонько, стараясь не привлекать внимания, попросил я Светлану.

– Что? Опять? – испугалась она. – В какую контору, Лёша?

– Мам, не разговаривай со мной, – одёрнул я её. – Это наша тайна, не надо меня светить! Просто сделай так, как я сказал!

– Но Машу я могу отвести в садик? – не вняв моим просьбам, возмущённо спросила она, обращаясь именно ко мне.

Кивнул. Движение совершенно аутентичное для младенца. А женщина в эмоциональном порыве может обращаться за моральной поддержкой хоть к канарейке – это нормально, это принимается обществом. Поэтому пока не произошло ничего из ряда вон выходящего. Женщина возмущается, правда, непонятно чем и по какой причине, потому что ничего особенного с ней не происходит.

– Мам, сделай лицо попроще, – умоляю я, стараясь отворачиваться от граждан в неприемлемых серых пальто. – Праздник сегодня, и у нас с тобой пока ничего не произошло! Маша, запомни, о чём бы тебя ни спрашивали, ты вчера ушла в садик и ничего больше не знаешь!

– Ага. А мама ушла по делам и не стала меня заводить в садик, – подтвердила сестрёнка, ни мгновения не сомневаясь, что всё сказанное мной, истина в последней инстанции.

Молоток! Враги будут пытаться взять нас в плен, а она будет подтаскивать патроны, наплевав на свист пуль.

– Доброе утро, Светлана Игоревна, – вежливо, не делая попыток нас остановить, приветствует маму один из конторских. – Могу я задать вам один вопрос?

– А вы, простите, кто? – подтянув Машку поближе к себе, опасливо поинтересовалась мама.

– Простите, не представился, – сделав извиняющееся лицо, вытащил корочки конторский. – Старший лейтенант комитета государственной безопасности Николаев Виктор Степанович. Вот моя фотография в удостоверении, сравните с оригиналом, – обезоруживающе улыбнулся он.

Мы тоже умеем улыбаться во все четыре зуба, чем я и занимаюсь, приглядывая за обоими парнями.

– КГБ? – удивилась мама. – А вам-то, что от меня нужно? У вас тоже кто-то в школу собирается?

– Простите, не понял, – искренне удивился лейтенант. – При чём тут школа?

– Вчера ваши коллеги из милиции притащили меня силой в управление, чтобы задать идиотский вопрос – что нужно купить будущему школьнику? Сидят пьяные, гогочут, а самим даже не интересно, что я им отвечаю, – возмущается она. – Из-за них в ясли и на педсовет в школу опоздала!

– Н-нет, извините, у нас совершенно другой вопрос, – поспешил откреститься Виктор. – Простите, а мы могли бы поговорить где-то в более удобном месте, а не на улице?

– Поговорить? О чём? Мне нужно дочку в садик отдать, потом нас ждут в яслях, а мне прямо сейчас хотелось бы оказаться в школе – нас будут коллеги поздравлять с праздником, – с гордостью объявила она программу утреннего марафона.

– А после поздравления? Это не займёт много времени, – уверял он её с видом цыгана, продающего больную лошадь.

Ага. Вам бы только зацепиться, а там и вопросы появятся, и протокол под подпись. Намекнут о последствиях, если будет запираяться или лгать. Включат хорошего и злого полицейского, чтобы дожать хрупкую женщину до признательных показаний.

– Немного? Это сколько? – вспомнив мою просьбу, уточнила мама. – Если совсем быстро, тогда я отдам дочку в садик и готова с вами поговорить по дороге в ясли, если вы, конечно, не возражаете.

– Гражданочка, вы что-то не понимаете, – вступил в игру второй парень. – Мы вас не на танцы в клуб приглашаем! Комитет государственной безопасности занимается только важными вопросами, так что прекратите этот балаган, сдайте детей в ваши сады-ясли и пройдёте к нам на Литейщиков. Там и поговорим! А праздник может и подождать, – жёстко пресёк он попытки Светланы возразить.

– Паша, ну, ты чего? Договаривались же, – включил доброго полицейского Виктор. – Светлана Игоревна, вы извините моего коллегу, не выспались, голова болит, нервы шалют, вот и сорвался. Конечно, мы готовы поговорить с вами по пути в ясли, а потом, если не уложимся, то и по пути в школу. Паша, сегодня Восьмое марта! Примите наши самые искренние поздравления, Светлана Игоревна! – расплылся он в дружелюбной улыбке, дёрнув за рукав пальто своего коллегу.

– Да... я, конечно... поговорим... вы не подумайте... просто вчера... а тут вы... – оправдывалась мама, сбивая с толку резкими переходами в обращении конторских.

– Мам, пойдём уже в садик, а то там скоро завтрак начнётся, – заканючила Машка в своём лучшем исполнении.

– Да-да, Маша, – поспешно переключилась Светлана, – конечно, пойдём!

Она так резко толкнула коляску, что я едва не вылетел из неё. Эй, водила, не дрова везёшь, – хотелось возмутиться мне. Но не при этих двух из ларца одинаковых с лица. Не поймут, услышав матерящегося на всю улицу младенца.

– Светлана Игоревна, с вашего позволения, чтобы время не терять понапрасну, начну задавать вопросы.

То ли спросил разрешения, то ли поставил перед фактом Виктор. Не спешите, кони, не спешите, нам ещё Машку нужно вывести из зоны риска, чтобы не нарваться на случайные неприятности.

– Садик вот уже, – ткнула Светлана варежкой в сторону приметного строения. – Давайте уж не будем сбивать меня с толку, а то я что-нибудь забуду!

Терпите, хлопцы! Господь терпел и нам велел! Если долго ничего не делать, то однажды доказательства и виновные сами свалятся тебе на голову. Не наш случай, тут, похоже, подготавливает, поэтому даже искренне удивляюсь их терпению. С другой стороны, КГБ это – не ментовка, где больше кулаками работают, в контору дуболомов не берут, им нужны люди не только инициативные, но и думающие, потому что враг хитёр и коварен, противостоять ему нужно, проявляя ум и смекалку.

– Так вот, Светлана Игоревна, расскажите, пожалуйста, что именно у вас произошло вчера утром? Желательно в подробностях, если можно, – дружелюбно улыбнулся Виктор, ткнув незаметно в бок начавшего ворчать напарника.

– Что произошло? Вот это самое и произошло, – как о само собой разумеющемся и известном всем факте, сообщила Светлана. – Мы вышли пораньше, у меня педсовет был назначен на утро, – пояснила она. – А тут эти двое нападают, начинают орать, руки выкручивать. Отобрали у меня Машу с Лёшей, – жалуется она, утирая варежкой выступившие слёзы. – Один, который постарше...

– Старшина или сержант?

– Откуда я знаю? Я в этом не разбираюсь, – отмахнулась Светлана. – Который постарше меня держит и второму, который молодой, командует, чтобы тот детей отдал куда следует. Мол, ему был приказ доставить меня срочно к полковнику. Если бы знала, зачем звали, как бы дала этому милиционеру по... – осеклась она, поняв, что это говорить не следовало.

– Как я понимаю, вы не стали драться с милиционером и добровольно пошли за ним в управление? – уточнил Виктор.

– Добровольно? Это, когда тебя за шкуру тащат и руки выкручивают? Это у вас называется добровольно? – распалилась мама.

– Светлана Игоревна, мы ведь не были там в этот момент, нам не видно, как именно вы шли до управления, – попытался успокоить её лейтенант. – То есть, я правильно понимаю, что старшина... тот, который постарше, силой привёл вас в управление?

– Да, именно так! И ещё угрожал, что мне срок впаяют, если буду упираться!

– Он угрожал вам оружием? Бил?

– Ещё чего, – возмутилась Светлана. – Он ведь советский милиционер!

– Хорошо. Что было дальше после того, как вы вошли в управление?

– Мы поднялись по лестнице... – начала вспоминать мама.

– Сразу? Никто вас ни о чём не спросил? Не остановил? Не попросил показать документы?

– Спросил? Да, спросил, там милиционер за стеклом сидел, вот он и спросил, мол, чего бабу тащишь? Начальству проститутки уже понадобились? Представляете? Он меня, честную женщину, за проститутку принял!

– Хорошо. В смысле, он был не прав, – поспешил исправить оплошность лейтенант, увидев вспыхнувшее возмущением лицо Светланы. – А что ответил старшина?

– Он? Ответил? – она задумалась. – Сказал, что ведьму притащил по приказу Ефимыча. Я как-то сразу и не поняла, что это он обо мне говорит, а потом мы уже шагали по лестнице.

– Ведьму? – озадачился Виктор. – А почему он вас так назвал? Есть какие-то предположения?

– Откуда я знаю? Они там все пьяные были! Что им в голову придёт, одному чёрту известно! И это коммунисты! Был бы жив отец, он бы им задал жару и на должности не посмотрел!

Ай, как горячо. Достаточно им задать правильный вопрос Елене Сергеевне, жене Городца, о причинах его отсутствия на работе, как она сразу же переведёт стрелки на Светлану, считая именно её причиной беды, с ним приключившейся. Надеюсь, контора не будет копать так глубоко, хоть и носит в народе название «контора глубокого бурения». Ну, был человек на больничном и как это связано с тем, что его убили? Никак. Почти.

– Вас сразу впустили в кабинет к Степану Ефимовичу?

– К кому?

– К начальнику городского управления внутренних дел полковнику Нечипоруку Степану Ефимовичу, – терпеливо уточнил старлей.

– Нет. Его адъютант остановил, спросил, зачем... ну-у-у, повторил то же самое, что и тот милиционер внизу, – поморщилась Светлана.

– И что ответил старшина? – только что не подпихивал он маму, чтобы она рассказывала без дополнительных вопросов.

– Сказал, его дело маленькое, сказано ведьму притащить хоть за волосы, он и притащил, – набычившись ответила она.

Вот не зря его Гриша пристрелил, совершенный ведь отморозок. Как только такого в советскую милицию взяли?

– Потом он без стука открыл дверь и толкнул меня в кабинет. А там эти хари пьяные ржут и в меня пальцем тычут, ведьмой обзывают!

И как это понимать? Я ведь зачистил ей память! Она не должна была вспомнить ничего!

– Я спросила, что им от меня нужно? Они задали тот самый дурацкий вопрос, о котором я вам раньше сказала и... всё!

– Вы вошли в кабинет без ребёнка?

– Да-а-а, – снова начала она усиленно вспоминать события. – Потом пришёл сержант, принёс Лёшу и сказал, что его отказались забирать в яслях! Я даже не поняла сначала – как это отказались? Они его там так любят, хорошо знают, а тут отказались наотрез! Глупость какая-то!

– Он так и сказал – отказались забирать в яслях?

– Ну, а где ещё? Куда он мог его притащить, кроме как в ясли?

– Понятно, – не стал углубляться в тему старлей. – Вам отдали ребёнка, извинились и отпустили?

– Извинились? И не подумали! Отвернулись и продолжили пьянствовать дальше! И вот вы мне скажите, это и есть советская власть? Вы ведь в КГБ служите! Разве не нужно таких отправлять лес валить, чтобы советскую власть не позорили?

– Мы разберёмся, Светлана Игоревна, – пообещал, поморщившись, Виктор.

Всё это время его напарник шёл сзади и внимательно всматривался в меня, только что не принюхивался. Что тебе надо, служивый? Чего докопался до ребёнка? Пукнуть бы тебе в рожу, да ветер в другую сторону!

– А что было потом? После того как вы покинули управление?

– Как что? – удивилась Светлана. – У меня ребёнок на руках, мне в школу нужно – побежала в ясли, потом на педсовет! Если вы по поводу того, что там случилось, когда мы ушли, то я тут при чём?

– А откуда вы знаете, что именно там произошло? – как-то сразу подтянулся старлей.

– Участковый вчера прибежал на ночь глядя, вопросы вот такие же задавал, а потом и рассказал, что их всех убили сразу, как мы с Лёшкой ушли! А могли ведь там задержаться и тогда... – она неожиданно всхлипнула, заново представив нас среди трупов в кабинете. –

То участковый из меня душу вынимает, то вы теперь с теми же вопросами пристаёте! Такое ощущение, будто все считают – именно я их и перестреляла! Решили меня во враги народа записать? – вспылила она.

– А вы, гражданочка, словами не разбрасывайтесь, – неожиданно высказался напарник старлей. – Не на кухне и не с соседкой ругаетесь! Надо будет, объявим врагом народа! За нами не заржавеет, – пригрозил он.

Как ни странно, старлей промолчал, не мешая напарнику отрабатывать роль злого полицейского. А меня уже крупная дрожь колотила, так хотелось ему в рожу вцепиться. Сука гэбэшная, привык людей с дерьмом месить? Считаешь себя пупом земли? Был бы я взрослым, получил бы от меня сейчас фингал под глаз и плевать на последствия! Но ты ведь, сволочь, чувствуешь свою безнаказанность и давишь на ни в чём не повинную женщину, лишь бы выслужиться перед начальством. Гнида.

– А вы на меня не кричите, – неожиданно выкрикнула ему в лицо Светлана. – Честному человеку незачем бояться советской власти! Если в чём виновата, накажут по закону! А орать на меня не надо! Не тридцать седьмой год! Спросили, что хотели? И всё! До свидания... нет, прощайте! Будет надобность, пришлёте повестку! Пойдём, Лёша, – отвернувшись от конторских, приветливо улыбнулась она мне.

– И вызовем, – крикнул ей в спину конторский.

Светлана не обернулась, не ответила, молча продолжила наше движение в сторону яслей. Ей казалось, это никому не видно, но я-то на расстоянии вытянутой руки, вижу, губы подрагивают, лицо напряжено, вот-вот расплывётся навзрыд, но держится. Сильная она у меня! Люблю тебя, мама!

Женский праздник

Среда, 08.03.1961, утро, ясли.

Металл разогревают добела, а потом окунают в воду или масло. Он становится особо прочным, закаляется. Вот и мы с мамой, пылая от злости, разом окунулись в расслабленную атмосферу праздника – няньки, встречая родителей с детьми, приветливо улыбаются, поздравляют, шутят. От нас прикуривать можно, а вокруг тишь, гладь, благодать.

– Здравствуй, Лёша, – подбегает к нам Нинка.

Вот прямо как по заказу. Нужно бы ей сказать пару слов без свидетелей, чтобы не ляпнула чего лишнего. Только как? Мама смотрит на неё, не отрывая взгляда, как Ленин на буржуазию. Ревность. Нинке я раньше сказал про своё неожиданное взросление, а с родной матерью поделиться не решился. То есть какая-то нянька мне ближе, чем она, так, что ли?

– Здравствуйте, Нина, – стараясь говорить приветливо, здороваюсь мама.

Обычно няньки на родителей особого внимания не обращают, им важнее, чтобы детишек приносили здоровыми, не сопливыми, не заразными. А родители не более, чем курьеры, доставившие посылку. Как там пишут в правилах пунктов выдачи заказов в наше время? У вас есть пятнадцать минут, чтобы проверить товар и отказаться, в случае выявления недостатков.

В яслях и пятнадцати минут не дают, всё на бегу, скорей, быстрее, на работу спешу. Здоров? Конечно здоров! А почему соплю? А это с мороза... сейчас вытрем, и всё будет в порядке! Поэтому детей няньки знают, как облупленных – кто и как себя ведёт, у кого родинка, у кого лысинка. Помнят всех по имени, а вот родителей не запоминают.

– Ой, а вы меня знаете? – удивилась Нинка.

Натурально удивилась, потому что не предполагала такой встречи, смирившись с тем, что где-то у её Лёши есть семья, мать, то есть другая женщина. Да, она её видит день через день, но не чувствует желания познакомиться ближе. Не любовница своего директора, но испытывает ту же ревность к другой женщине, с которой я провожу ночи и завтракаю по утрам. Женщины они такие женщины!

– Лёша попросил пригласить вас, Нина, к нам домой. Собираемся отпраздновать Восьмое марта. Придёте?

– Лёша? Предложил? – она смотрит круглыми глазами то на меня, то на маму, не понимая, как на это реагировать.

Пальчиком показываю няньке, чтобы наклонилась ко мне поближе.

– Нина, она знает, что я могу разговаривать. Она знает, что ты тоже знаешь. Приходи сегодня в гости, вам нужно познакомиться поближе.

Светлана с интересом прислушивается к нашему разговору, но я говорю тихо и до неё не долетает ни звука. Понятно, что любопытство сгубило кошку, но пока морально не готов полностью раскрываться.

– Хорошо, я приду, – не раздумывая, соглашается Нинка. – А куда? Что принести?

– Малышева, тринадцать, квартира шесть дробь два. Найдёте?

– Да. Знаю, где это. А что с собой захватить? – повторяет она единственный вопрос, хотя в голове крутится минимум сотня.

– Если получится, можно пирожных, – инстинктивно облизнувшись, попросила Светлана.

Вот не знал, что моя мама – сладкоежка. Или на всём сэкономила и выбросила из своей жизни самое вкусное?

– Я постараюсь, – пообещала Нинка. – А в остальном всё в порядке?

Вот о чём она сейчас спросила? Кто тебя за язык тянул, Нина? Тебе же не шесть лет в обед, как Машке! Неужто так сложно поменьше болтать и не задавать вопросов, ответы на которые не очень захочешь услышать?

– Ну, если не считать, что нас вчера чуть не убили, всё в полном порядке, – с ноткой истеричности хохотнула мама.

– Чуть не убили? – встревожилась Нинка. – А ты мне ничего не сказал, – обиделась она.

И сейчас не скажу, потому что я младенец, на нас люди смотрят и слушают вашу оживлённую болтовню.

– Мы и сами об этом не знали, вечером вчера участковый рассказал, – поджав губы, недовольная моим непринуждённым общением с нянькой, сообщила Светлана.

Весело гугукаю, улыбаюсь, размахиваю руками и ногами, тянусь ручками к Нинке. Пора прекращать этот балаган! Мама, забыла, что тебе на работу нужно?

– Ой, извините, заболталась, – тотчас, словно прочитав мои мысли, спохватилась мама. – Меня же там мужчины ждут! В смысле, коллеги в школе с утра должны нас всех поздравить, – рассмеявшись, поправилась она. – С праздником, девочки!

Ну, наконец-то, вернулись к нашим баранам, то есть к празднику. Так и хочется ответить «И вас тоже!», но я же не девочка! Кстати, а не остаточные ли это явления после моего захвата её сознания? Или обычное совпадение. Хотелось бы верить, но увы и ах, тишина в библиотеке. Мёртвая.

Нинка терпела сколько могла, то есть до тех пор, пока не унялась суета по приёму детишек, все были обихожены, осмотрены, уложены в кровати. Двери на ключку, няньки за чай.

– Ну, чего молчишь, ирод? – сурово спросила Нинка, потеряв где-то по дороге остатки приветливости. – Кто вас чуть не убил?

– Ну-у-у, тут такое дело, – лихорадочно обдумывая, что можно безболезненно опустить в рассказе, протянул я. – Ты же помнишь, мы вчера позднее, чем обычно в ясли пришли?

Кивнула. Помнит.

– Так мы не проспали, а нас потащили в милицию, как раз к тому самому начальнику УВД, которому... – я сделал многозначительную паузу. – Ну, ты сама понимаешь.

Снова кивнула. Во взгляде появилась настороженность, но пока явно не готова задать вопрос, хотя и страх пробуждается, заставляет нахмуриться, поджать губы, сжать кулачки, словно готовясь к схватке с врагом. Понятно, думает, нас раскрыли, потянули в казематы. Вспомнила про мою злую шутку о не стёртых отпечатках пальцев.

– Нет, ничего из того, о чём ты сейчас подумала, не было, – успокаиваю Нинку. – В Багдаде всё спокойно!

– В каком Багдаде? – не понимает девушка. – Тьфу на тебя, Лёшка, вечно ты со своими шуточками в самый неподходящий момент!

– Извини, – вот совсем не искренне сказал я, а это чувствуется на раз, поэтому Нинка глянула в ответ скептически. – В общем, в кабинете сидела троица наших городских начальников – Городец, начальник УВД и первый секретарь. Все пьяные и весёлые! Скорее всего, Городец им уже наплёл про то, что моя мама – ведьма, решив, что как раз из-за неё у него рожу-то и перекосило. Но задали они странный вопрос – что нужно купить ребёнку, который собирается идти в первый класс?

– В смысле? Притащить учительницу только для того, чтобы задать дурацкий вопрос? А они там не зажрались? – явно не поверила девушка.

– За что купил, за то продал, Нина. Вот, а потом нас отпустили и продолжили пьянствовать. Мы спокойно пошли в ясли. А вечером к нам пришёл участковый и рассказал, что сразу, как мы ушли из управления, в кабинете началась перестрелка и все, кто был в кабинете, дружно отправились на тот свет. Прикинь, если бы мы там ещё немного задержались, и стрельба началась при нас!

– А чего они стрелять-то начали?

– Нин, ну ты кого спрашиваешь? Они ж там все в умат пьяные были! Кто-то ляпнул что-то обидное, получил по морде, а там и до пистолетов дело дошло! Так что радуйся, мы живы и здоровы, но теперь нас трясут, как липку, пытаясь у нас узнать, что там произошло!

Ну, вполне красивый вариант полуправды. Я не я и лошадь не моя. Не был, не видел, не привлекался. Горшок я у тебя не брала, ты мне дала уже треснутый, а я тебе его вернула совершенно целым! Бред? Так и события не очень похожи на нормальные. Будет идеально, если чекисты пойдут по самому лёгкому пути – Гриша сошёл с ума и перестрелял всех присутствующих в приступе паранойи.

Параноики они такие, им кажется, что все вокруг только и думают, как бы их убить. Поэтому, дойдя до точки срыва, запасаются холодным или огнестрельным оружием, чтобы наказать всех виновных насмерть, расчистить жизненное пространство с целью собственной безопасности.

Таких даже не расстреливают, потому что это болезнь. Запирают на пожизненное в психушке и держат на сильнодействующих препаратах, превращая человека в овощ. Грише это, конечно, не грозит, да и диагноз посмертно никто не поставит. Но как версия вполне себе приятная во всех отношениях, потому что не врага проморгали, а медицина недосмотрела! Так что вся надежда на чекистов, чтобы они не рыли глубоко и настойчиво, а списали всё на игры разума, заочно причислив Гришу к особо опасным пациентам психиатрического профиля.

– Жуть какая, – удивилась Нинка, выдохнув переполняющий её страх. – Хорошо, что вы вовремя оттуда сбежали! Понимаю теперь твою мамку! Сильно она переживала, когда узнала, что была на волосок от смерти?

Вот тебе это зачем? Какая тебе разница, что моя мама в этот момент почувствовала? Мужик бы сказал – дела-а-а, и переключился на рыбалку или домино. А тут желание прожить чужую жизнь, напиться чужими эмоциями, попереживать, испытывая страх или радость вместе с тем, кто рассказывает. У мужиков всё иначе, поэтому мы и не можем понять, о чём женщины могут болтать часами, буквально заглядывая в рот друг другу?

– Не то слово, а тут ещё сестричка влезла со своим «мне Лёшка сказал» и пришлось расколоться перед мамой, что умею разговаривать. Не стал скрывать, что ты тоже об этом знаешь, но, Нина, ни о чём более речи не шло! Понимаешь? Рассказал, что у меня в сознании будто бы просыпаются какие-то знания и умения, а почему, я не знаю. Так что за рамки этого не выходим в разговоре.

– Понятно, – вздохнула Нинка. – А кто ещё будет у вас в гостях?

– Если честно, понятия не имею, – признался я. – Скорее всего, друг семьи – учитель истории, Иннокентий Петрович. Ему уже за шестьдесят, так что в женихи он не годится, – усмехнулся я, заметив огонёк, полыхнувший во взгляде девушки.

– Подумаешь, – фыркнула она. – Был бы человек хороший! Ты лучше скажи, зачем нам с твоей мамой дружить? Что изменилось?

– Всё изменилось, Нина! И мне нужно, чтобы у мамы была надёжная во всех отношениях подруга – крепкая, умная, хитрая, быстрая! Чтобы в случае чего, могла защитить её, дать правильный совет, не позволять творить глупости.

– Ну, уж расписал прямо, – смутилась Нинка. – А меня кто защитит?

– Пока только я, – неприятно, но факт.

– Получается, ты меня используешь, чтобы твоей маме было хорошо и безопасно? – уточнила Нинка, прищурившись и закусив губу.

– Получается, что так, – подтвердил я.

– И что я с этого буду иметь?

Смотри-ка, выиграло ретивое, решила расставить точки над i, заставить меня выбрать, кто для меня главнее? С огнём играешь, Нинка!

– Ничего, кроме моего доброго отношения, – сломал я шаблон обычного поведения в таких случаях, даже не пытаюсь предложить вознаграждение за преданную службу во имя блага моего семейства.

Используешь человека? Будь готов чем-то заплатить за это. Деньгами. Взаимной и равноценной услугой. Свободой, в конце концов. Всё зависит от того, что должен для тебя сделать человек. Вот только я не хочу взаимовыгодных отношений с Нинкой. Мы – команда, а в команде никто не спрашивает, сколько должен за то, что спас тебе жизнь.

– Ты считаешь это правильным? – не отставала Нинка. – У меня нет желания дружить с твоей матерью, но я должна буду это сделать. Я не хочу быть для неё нянькой, но ты говоришь, что именно этим я и должна заниматься. Получается, я буду делать то, что мне не нужно, просто за спасибо?

– Получается так, – улыбнулся я, чувствуя, как давление под крышкой вырастает до взрывоопасного значения.

Если прямо сейчас не выяснить отношения до конца, наш слаженный тандем может распасться с неприятными последствиями для обеих сторон. Нинка пока не в курсе возвращения моих способностей, рассматривает меня, скорее всего, как инвалида, требующего к себе особого отношения. Пребывает в уверенности, что она в данный момент сильнее меня, и может влиять на мою жизнь гораздо существеннее меня самого. Учитывая, что в её руках и все мои финансы, она находится в выигрышной позиции. Значит, диктовать условия должна она, а не я. Это её позиция, судя по тону и выражению лица.

– Нин, посмотри на это с другой стороны! Вот мы с тобой и мамой идём в разведку в тыл врага. Попали в засаду, отстреливались до последнего патрона, кого-то ранило, и он решил остаться, чтобы прикрыть отход товарищей. Что мы будем ему должны? Как расплатимся за то, что он остался умирать ради нашего спасения?

– Ну, ты скажешь тоже, – повела плечами девушка. – Мы же не в тылу врага...

– Думаешь? Вчера нас всех хотели уничтожить. Спасло чудо. Нужно пояснить какое?

– Так это всё...

– Даже не думай произносить такое вслух. Если бы не чудо, на столе начальника управления нашли бы анонимку, написанную твоей рукой. На бумаге и конверте остались твои отпечатки пальцев.

Нинка вздрогнула, вспомнив про мою злую шутку, и беспомощно посмотрела на меня. Всё. Сломалась. Не готова она пока к жёсткому ведению бизнеса, когда стороны ведут игру, не обращая ни малейшего внимания на так называемые правила. Ничего личного, только бизнес. Только что она считала себя командиром нашего маленького воинства и вот уже готова размазывать сопли по лицу, спрашивая, как избежать проблем.

– Она сгорела. Точнее, они сожгли и конверт, и письмо. Свидетелей, которые видели и читали ту анонимку, нет в живых.

Не стоит пугать её насмерть, чтобы не наделал глупостей, но и спускать на тормозах её поведение тоже плохая идея. Нужно лечить, но так, чтобы пациент выжил вопреки всем стараниям врачей.

– Вы с Катей сейчас живёте, ни в чём себе не отказывая, потому что научились варить крем в кастрюльке? Или есть какая-то другая причина?

Нинка молчала, виновато вздыхая.

– Когда ведьма атаковала нас через Клаву, вы все должны были оказаться по ту сторону жизни вместе с Виолеттой Николаевной, но вы были защищены. Угадай, кто об этом позаботился? А теперь подумай, Нина, и скажи, сколько ты мне должна за то, что сидишь тут вся из себя крутая, живая и здоровая, имея на сберкнижке кучу денег?

– Лёш, ну, дура я, не подумала, – повинилась Нинка. – Привыкла, что у нас всё получается, жизнь налаживается, а почему, как-то и не задумывалась, – призналась она. – Прости меня, пожалуйста, – уже и слеза навернулась, и губы дрожат, ещё миг и заплачет.

– Нин, ты пойми, я ведь не потому это сказал, что хочу подвести баланс, кто кому больше должен, – пояснил я, чтобы немного сбить накал переживаний и угрызений совести. – Мы с тобой – команда, как та самая группа разведчиков. Есть задача, и каждый делает то, что умеет, что может, насколько хватает сил и умений. Сейчас в нашей команде появилась моя мама, но... пока в качестве кандидата. Не готов я ещё решать с ней те же вопросы, как с тобой. Она, как бы это помягче сказать, несколько не от жизни, идеалистка. А мне порой приходится быть циничным и использовать грязные методы для достижения своих целей.

– То есть ты считаешь, что мне можно доверить вот эти самые грязные методы, – подозрительно шмыгнув носом, обиженно спросила Нинка.

– Не совсем так. Я берегу тебя, насколько это возможно. Но сама понимаешь, не всё могу делать своими руками в силу возраста. Ты – мои руки, мой голос, мой самый лучший помощник, которому я доверяю, как себе. Так лучше звучит?

Ну, так себе, это я загнул, конечно. Рановато ей знать, как дела обстоят на самом деле. Но в основном не врал – без Нинки я, как без рук в прямом смысле этого слова. Штирлицу, на мой взгляд, было легче, он мог многое делать сам, рассчитывая на собственные силы, опыт и знания. У меня в этом наборе только последние две составляющие. С ними хорошо, но нужно их к чему-то приложить, желательно, чтобы они шли в комплекте со взрослым, здоровым, физически крепким телом. Ален Делон, Ален Делон не пьёт тройной одеколон!

Нинка молодая, решительная, хваткая девушка, но великим умом не блещет. Поручать ей что-то сложное я бы не решился. Мама у меня не решительная, не хваткая, зато умница с хорошим образованием. Куда вот только это образование в свете моих планов приложить, не знаю. Но в любом случае есть возможность обмозговать что-то сложное с трёх разных сторон. В будущем. А пока нужно просто сблизить их, убрать лёд взаимного недоверия.

– Захвати с собой какой-то подарок для Машки, – посоветовал я. – Ты же сама куклу выбирала? Вот и подумай, что можно к этой кукле добавить? Ну, там новое платье, туфельки, кухню.

– Точно, – обрадовалась Нинка, – там была кухня! Такая хорошенькая, аж захотелось купить и поиграть! У меня в детстве такой не было, – размечталась она. – Только чур, мы с ней сразу в неё и поиграем!

– Да ради бога, это будет даже лучше, чем просто сидеть и чай пить, – ухмыльнулся я. – Давай на сегодня разговоры закончим, а то девки уже косятся на нас, – предложил я.

Нинка, уже пребывавшая в мечтах о покупке игрушечной кухни, упорхнула, забыв о проблемах, висящих над нами дамокловым мечом. Можно ей только позавидовать – считая, что в этой непростой ситуации есть кому разобраться, можно временно выбросить из головы всё лишнее, занявшись тем, что приятнее. А что является идеальным средством снятия стресса у женщин? Правильно – шопинг! Сейчас это называется «пробежаться по магазинам», но суть от этого не меняется.

А нам, генералам, отвлекаться нельзя. Проблемы сами себя не решат. Если позволить им двигаться своим чередом, обязательно окажутся прямо перед тобой и переедут, вдавив в асфальт. Нужно точно знать, где тебя ждут неприятности и как они выглядят, чтобы вовремя увернуться или найти им противовес.

– Девки, а точно ни у кого знакомых знахарок нет? – нет, это не штаб, а какой-то проходной двор.

Вокруг моей кровати собрались няньки, поглядывая на меня с видом голодных волков, стоящих над молоденьким барашком.

– Откуда? Думаешь, они объявление в газете дают? – скептически отозвалась Анька.

– Ну, как-то же их находят, если приспичит, – резонно ответила Люба.

– А как находят? Нужно у всех знакомых поспрашивать, вдруг, кто знает, – предложила Ксения. – Можно и не одну найти, а сразу нескольких, – вдохновилась она. – Будем зарабатывать в несколько раз больше, чем с Клавкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.